

Часть II

ПЕРЕХОД ПЛЕХАНОВА К МАРКСИЗМУ

Глава 6 НА ПЕРЕПУТЬЕ

Вторая эмиграция Г. В. Плеханова несмотря на материальные тяготы оказала чрезвычайно плодотворное влияние на формирование его философских, экономических, исторических и эстетических взглядов. Все больше приобщаясь к социалистическому и рабочему движению на Западе, постоянно углубляя свои теоретические познания, он смог по-иному посмотреть на условия российского революционного движения, по свежим следам крушения народничества разобраться в причинах неудач и наметить новую программу действий.

В то время главным образом в Швейцарии, Франции и Италии проживало довольно много русских революционных эмигрантов. Здесь находились сторонники бывшего журнала «Вперед» (лавристы), значительно потерявшие свое влияние в России; сторонники прекратившего в 1879 г. издание журнала «Община» (а до этого — «Работник»), целиком не разделявшие ни взглядов «политиков», вошедших в «Народную волю», ни взглядов чернопередельцев; группа П. Н. Ткачева, издававшая журнал «Набат» (взгляды этой группы были близки возникшему в России народофильству, но многих не только бывших землевольцев, но также заново вошедших в «Народную волю» отталкивал от нее принцип строгого централизма, которого она придерживалась в вопросах как ведения революционной борьбы, так и организации будущего государства); группа, издававшая журнал «Общее дело» (В. А. Зайцев, П. А. Кропоткин и др.), без определенного политического направления и без заметного влияния в революционных кругах.

Кроме этого, в среду общерусской эмиграции еще входили две национальные группы: группа польских социалистов,

объединявшаяся вокруг журнала «Рувность» (С. Мендельсон, К. Длуский, Ш. Дикштейн, с весны 1880 г. — Л. Варыньский и др.), и группа украинских националистов во главе с М. П. Драгомановым (С. А. Подолинский, А. Ляхоцкий, а также посещавшие их М. Павлик и известный украинский писатель И. Франко).

В Швейцарии проживал С. М. Кравчинский, покинувший Россию в конце 1878 г., туда же вскоре после Плеханова и его товарищей прибыли А. А. Хотинский и Ю. М. Тищенко, а в феврале 1880 г. — Н. А. Морозов с О. С. Любатович.

В Женеве, где поселились Плеханов и его товарищи, существовала довольно большая русская колония, имевшая библиотеку с читальным залом, в котором регулярно устраивались собрания, делались доклады и происходили дискуссии. Местом встреч была также общественная столовая, которую содержала мадам Грессо — вдова парижского коммунара. Ею пользовались многие русские эмигранты.

Перед поездкой за границу всем четверым — Плеханову, Я. В. Стефановичу, Л. Г. Дейчу и В. И. Засулич — поручили подготовить и организовать издание периодического журнала, который мог бы заменить прекратившую выходить «Общину» — орган бакунистов, и обещали подыскать денежные средства на него. Кроме бывших сторонников «Общины» к журналу предполагали привлечь широкий круг революционной эмиграции. Редактором нового издания намечали сделать Плеханова. Одновременно Плеханов должен был оставаться одним из редакторов «Черного передела».

Вскоре, однако, пришло известие о провале в ночь с 27 на 28 января 1880 г. чернопредельческой типографии в Петербурге в результате предательства А. Жаркова. Полицией был захвачен почти готовый первый номер журнала и арестован ряд руководителей «Черного передела» (О. В. Аптекман, И. П. Пьянков, М. К. Крылова и др.). Теперь заграничным товарищам трудно было рассчитывать на материальную помощь из России, наоборот, самим нужно было помочь в восстановлении печатного органа. Решено было воспроизвести первый номер, несколько экземпляров которого удалось спасти, за границей и самим изыскать на это деньги. Все четверо оказались в сложном материальном положении. Особенно тяжело пришлось Плеханову, который из-за теоретических занятий больше других нуждался в свободном времени.

С первых дней пребывания за границей он приступил к

серьезному изучению трудов по теории социализма. Его записная книжка за 1880—1882 гг. содержит около 144 названий книг, сборников, журнальных статей по экономическим, философским, юридическим и политическим вопросам, которые он изучал в эти годы. На первое место следует поставить труды по экономике, особенно по проблемам существования и причинам разложения общинной собственности, привлекавшие его внимание в последние месяцы пребывания в России.

Он приступил также к штудированию немецкого языка. Среди других в его записной книжке значатся пять произведений К. Маркса и Ф. Энгельса: «Гражданская война во Франции», «К жилищному вопросу», «Бакунисты за работой», «Кельнский процесс коммунистов», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», все — на немецком языке¹. Эти работы в числе первых были приобретены Плехановым для личной библиотеки.

Кроме эмигрантской он посещал библиотеку Женевского университета, имевшую не только большой книжный фонд, но и богатый архив. Для выработки социалистического мировоззрения он считал необходимым изучать естественные науки, интерес к которым приобрел еще в военной гимназии. В записной книжке Плеханова отмечены фамилии профессоров Женевского университета, Сорбонны, а также «Коллеж де Франс», лекции которых слушал или предполагал слушать Георгий Валентинович.

3 февраля 1880 г. в результате проносов царской охранки в Париже был арестован Лев Гартман. Царское правительство добивалось от правительства Франции его выдачи за устройство покушения на царя под Москвой. Вся русская эмиграция приняла участие в его освобождении. От женевской колонии в Париж отправили двух представителей: старого эмигранта, соратника М. А. Бакунина, Н. И. Жуковско-го и Плеханова. В Париже русская делегация в количестве 12 человек во главе с П. Л. Лавровым была принята председателем палаты депутатов Национального собрания Л. Гамбеттой. Несмотря на дипломатические сложности делегации все же удалось добиться, чтобы Гартмана не выдавали царским властям. Спустя месяц он перебрался в Лондон.

По сведениям Дейча, в Париже Плеханов пробыл около двух недель. Он ведет переговоры с Лавровым и его сторонниками об издании серии брошюр социалистического содержания под общим названием «Русская социально-революци-

онная библиотека», а позже пишет заявление об издании библиотеки. Со своей стороны Лавров проявил много внимания, чтобы облегчить тяжелое материальное положение своего молодого товарища, и представил в его распоряжение богатую личную библиотеку. В Плеханове он увидел натуру одаренную, отмечал его полемические способности и говорил: «А из вас, Г. В., хороший вышел бы адвокат»². Плеханов собирался было постоянно обосноваться в Париже, который в то время наполнялся съезжавшимися туда амнистированными коммунарами, но ждал приезда Розалии Марковны.

Вскоре по возвращении Плеханова в Женеву, туда приехала по поручению «Черного передела» Е. Козлова-Рубинчик и привезла письма, небольшие денежные средства для перепечатки за границей первого номера «Черного передела», конфискованного в России, новую программу организации, подготовленную П. Б. Аксельродом («Программа Северорусского общества «Земля и воля») и объяснительную записку для журнала, который предполагали издавать за границей. Кроме того, она передала просьбу товарищей продолжить за границей издание также следующих номеров «Черного передела». В число редакторов заграничного журнала Аксельрод рекомендовал включить М. П. Драгоманова, главу украинской эмиграции, с которым был хорошо знаком по работе в журнале «Община» в 1878 г.

Первоначально между Плехановым, его товарищами и группой Драгоманова установились дружественные отношения. Постепенно, однако, из-за разногласий по национальному вопросу, где украинцы выступали как националисты, и форме государственного устройства, где они ратовали за национальный федерализм, чернопердельцы все больше расходились с Драгомановым и сближались с польской группой «Рувность». В отличие от украинцев поляки в то время выступали с интернационалистских позиций как в вопросе освобождения различных народностей от российского самодержавия, так и в вопросе о солидарности рабочих в борьбе с капитализмом в рамках одного государства. У Плеханова и его товарищей с группой «Рувность» устанавливаются тесные дружеские отношения. Они совместно выступали против украинофильства сторонников Драгоманова, а в ряде случаев — и против народовольцев. В № 1 «Черного передела», вышедшем за границей, была помещена корреспонденция от 27 марта 1880 г. под названием «Польское социалистическое движение». В журнале «Рувность» Плеханов поместил замет-

ку по поводу Чигиринского дела, а в № 2 «Черного передела» была напечатана заметка Л. Варыньского. Чернопердельцы и поляки поселились одной общей коммуной, помогали друг другу в перевозке нелегальных изданий через русскую границу³. Тех и других сближала общая тяга к изучению трудов К. Маркса и Ф. Энгельса.

Именно к этому времени относятся первые контакты заграничных чернопердельцев с К. Марксом через находившегося в Лондоне Л. Гартмана.

В апреле или начале мая 1880 г. в широких кругах русской революционной эмиграции возник план издания большой ежедневной газеты на английском языке для европейского читателя под названием «Нигилист». Газета должна была выходить одновременно в Лондоне, Париже и Женеве. Редактором газеты предполагали сделать В. И. Засулич, а основными сотрудниками — П. Л. Лаврова, Плеханова, П. А. Кропоткина, Стефановича, Морозова, Дейча, С. Л. Клячко и Л. Н. Гартмана⁴.

Практически организовать дело взялся Гартман, проживавший в Лондоне. Как отмечает Г. С. Жуйков, на привлечении к изданию газеты К. Маркса, с которым Гартман был тогда в близких отношениях, особенно настаивали заграничные чернопердельцы⁵. По имеющимся сведениям, Маркс собирался было оказать существенное содействие Гартману в издании газеты вплоть до подыскания денежных средств и со своей стороны советовал ему опираться на помощь Лаврова и «женевцев», т.е. чернопердельческую группу Плеханова⁶.

План издания, которое должно было объединить почти всю русскую эмиграцию, не осуществился главным образом из-за финансовых трудностей и идейных разногласий в их среде. Гартман, в частности, всячески старался дескредитировать чернопердельцев в глазах Маркса, о чем те вначале не подозревали⁷. Вскоре интриги Гартмана становятся известны сначала Плеханову, а затем и остальным чернопердельцам, и они прекращают с ним переписку. Но, во всяком случае, до сентября 1880 г. Гартман продолжал поддерживать связи с Дейчем и Стефановичем.

В середине июня 1880 г. в Женеву приехала Р. М. Плеханова. После выезда Георгия Валентиновича за границу Розалия Марковна опять стала жить легально. С квартиры Н. Н. Златовратского она через некоторое время перебралась в дом Николаева на седьмой улице Песков к Т. В. Полляк, преданно ухаживавшей за ее ребенком. Там в последних числах ап-

реля полиция ночью устроила тщательный обыск. Специально приглашенная женщина просматривала вещи, личное белье обеих подруг. Не сообразили осмотреть только детскую кроватку, где спал ребенок, а именно там «под матрасиком лежала революционная литература и только что полученное письмо от Плеханова из Женевы»⁸.

Через некоторое время после обыска Полляк с ребенком отправилась в Киев, а Розалия Марковна переехала на нелегальную квартиру. Убедившись в усилении слежки за ней со стороны департамента полиции, она предпочла отправиться за границу, где ее ожидал Георгий Валентинович. В конце мая с паспортом на имя своей родственницы она выехала поездом из Одессы и через Бессарабию и Румынию направилась в Швейцарию.

В Женеву она приехала тогда, когда борьба чернопередельцев и поляков со сторонниками Драгоманова достигла апогея. «Я привезла с собою письмо к Драгоманову и к нашим товарищам от Питерской группы с увещаниями о совместных революционных действиях, об общем органе, — вспоминала Р. М. Плеханова. — Но ни о каких совместных действиях уже не могло быть речи. Письма Драгоманову я не передала, а написала в Петербург о причинах неисполнения мною этой миссии»⁹.

Жаркие схватки на собраниях продолжались до августа. Судя по записям в записной книжке Плеханова, речь шла о том, совместно ли выступать против царского самодержавия или сначала разделиться, а потом «бороться с государством — по государствам», вести ли литературные предприятия общими силами или каждый — «по лингвистическим областям»¹⁰ и т. д. Дело дошло до окончательного разрыва и третейского суда граничных чернопередельцев с Драгомановым, когда он, получив от Аксельрода новую программу «Черного передела» для передачи граничникам, предварительно снял с нее копию. В результате группа Драгоманова оказалась изолированной, а сам Драгоманов в 1881 г. перешел из революционного лагеря в конституционно-либеральный и стал сначала сотрудником, а потом и редактором журнала «Вольное слово» (1881—1883 гг.).

Говоря о значении для Плеханова его полемических выступлений против Драгоманова, Дейч писал: «Приблизительно с этого времени и отчасти под влиянием столкновений с Драгомановым начался у Плеханова поворот от бакунизма, анархизма и федерализма к государственности и централиз-

му»¹¹. Далее Дейч отмечает, что этот отход начался и проходил у Плеханова в результате все более глубокого изучения произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, а также ознакомления с западноевропейским рабочим движением.

Ко времени приезда в Женеву Розалии Марковны Плеханов достаточно хорошо усвоил немецкий язык. Летом 1880 г. он вместе с ней читал на языке оригинала вышедшую отдельным изданием работу Ф. Энгельса против Е. Дюринга («Анти-Дюринг»). Такого цельного и обобщенного изложения трех основных частей марксизма — диалектического и исторического материализма, политической экономии и учения о социализме и коммунизме — до тех пор еще не было. Плеханов был в восторге от книги Энгельса, называл ее классическим трудом и говорил, что «она очень многое выясняет для понимания научного социализма»¹². С этого времени у него начинается также положительный поворот в сторону усвоения теории и практики западноевропейской социал-демократии вообще и германской в частности. Он знакомится с социально-экономическими взглядами катедер-социалистов, одновременно его интересует немецкая литература и поэзия. Он читает в подлинниках Шиллера, Гейне, Фрейлиграта, Гервега, мог цитировать на память большие отрывки из «Фауста» Гете. Под влиянием Плеханова за изучение К. Маркса и Ф. Энгельса принялись Дейч и Засулич. Все больше блекли их старые бакунистские представления об общине, крестьянстве и особом пути развития России.

В первых числах сентября 1880 г. для второго номера «Черного передела» Плеханов пишет статью, по поводу которой, как сообщает Дейч, возникли разногласия среди граничных чернопередельцев. Дейч отмечает, что он высказался против содержащейся в статье Плеханова старой мысли о необходимости заводить «связи в народе» и «укреплять свое положение в его среде» (т. 1, с. 128). Он тогда доказывал своим товарищам Плеханову и Стефановичу, что идея об устройстве деревенских поселений отжила свой век и в старой форме больше не возродится. Примечательно, что на доводы Дейча Плеханов отвечал лишь слабым опровержением¹³. Процесс отхода от старых взглядов совершался подспудно, незаметно.

К осени 1880 г., т. е. ко времени выхода за границу второго номера «Черного передела», взгляды Плеханова можно характеризовать следующим образом.

Еще до отъезда за границу Плеханов признавал значе-

ние политических свобод и высказывался в поддержку борьбы либералов за их приобретение. В сентябре 1880 г. в передовой статье для второго номера «Черного передела» он полностью признал необходимость ведения политической борьбы самими социалистами. Кроме того, в апреле 1880 г. в связи с рассмотрением программы издания общего революционного органа за границей Плеханов, по сообщению Дейча, смирился с внесением в нее пункта «о важном значении террора для борьбы с русским правительством, которая необходима»¹⁴.

Однако от народовольцев его по-прежнему отличало то, что результаты политической борьбы (включая террор) он ставил в зависимость от подготовленности народных масс воспользоваться политическими свободами, которые она (политическая борьба) им предоставит. Здесь, с одной стороны, он ближе еще к народничеству, а с другой, в его взглядах меньше утопизма народовольцев, считавших, что политическая борьба одновременно решит и социальный вопрос: переведет крестьянскую общину на путь социализма.

Далее, Плеханов отказывается не только от принципа самоопределения общин (анархия), как это было до отъезда за границу, но и от федерации общин в пользу государственного принципа. Важное значение в этом отношении имеет письмо Плеханова от 12 декабря 1880 г., посланное из Парижа одному румынскому товарищу. Оценивая перемены в своих взглядах, он писал: «...Я теперь уже не смотрю на конституцию как на пугало. Не боюсь также и участия рабочей партии в политической жизни страны. Эти вещи необходимы. Анархический абстенционизм бессилён, как и сама анархия. К сожалению, я несколько лет держался этого нелепого взгляда... Жизнь на Западе многому меня научила; охотно сознаюсь в своих ошибках. Что делать, не ошибается лишь тот, кто никогда не думал...»¹⁵. Это означало признание Плехановым государства на ином принципе, нежели только индивидуалистическом, как было в его передовой статье для первого номера «Черного передела».

Но что особенно важно подчеркнуть, так это то, что в основе отмеченных выше перемен во взглядах Плеханова лежал новый подход к проблеме существования и разложения поземельной общины. Многочисленные работы по истории первобытной общинной собственности, истории имущественных отношений в древней Греции, Риме, на Востоке, а также сочинения по политической экономии, прочитанные им за

время пребывания за границей, убеждают его в существовании глубоких внутренних, а также многочисленных внешних причин, с необходимостью разрушающих поземельную общину, коль скоро она испытывает влияние развивающейся «капиталистической продукции».

Таким образом, его социально-экономические взгляды, какими они представляются из его писем и высказываний близких, мало или почти ничего народнического не содержат. Более того, характеризуя свои взгляды того периода, Плеханов писал: «По крайней мере о себе я могу с уверенностью сказать, что уже ко времени выхода второго номера «Черного передела», — т. е. летом того же 1880 г., я был уже едва ли не на половину *социал-демократом*...» (т. 13, с. 26).

С другой стороны, если обратиться к руководящим статьям по вопросам программы и тактики революционного движения в России, помещенным во втором и третьем (вышел в марте 1881 г.) номерах «Черного передела», то можно констатировать, что программно-тактические установки Плеханова как будто мало чем отличаются от высказанных ранее. Так, помимо положения о необходимости устанавливать связи с народом и подготавливать всеобщее выступление, о чем упоминалось выше, в передовой статье «Черного передела» (№ 2) Плеханов провозглашает лозунг: крестьянин, бери землю, рабочий, бери фабрику! (см. т. 1, с. 131.). В «Заявлении прежних издателей «Черного передела», напечатанном в третьем номере «Черного передела», выражается солидарность с борющимися в России чернопередельцами и их программой (см. там же, с. 133)¹⁶.

Известное несоответствие социально-экономических взглядов Плеханова и его тактических установок в чернопередельческом органе дало повод некоторым исследователям обвинять его в непоследовательности, теоретической путанице и т. п. грехах¹⁷. На наш взгляд, это несоответствие может быть объяснено следующим образом.

Поиски научных ответов на интересовавшие Плеханова вопросы экономического и социального развития России до поры до времени не могли сказаться на его программных и тактических установках. Другими словами, его теоретические искания не могли иметь непосредственного выхода в программные установки чернопередельческой группы. Ибо при отсутствии иной революционной программы, кроме народнической и народовольческой, это означало бы разоружение чернопередельцев да еще в момент разгрома их организации в Рос-

сии. Что касается новой революционной программы, то ее еще предстояло выработать, исходя из других теоретических воззрений, только начинавших складываться у Плеханова и его товарищей.

Таким образом, идейное развитие Плеханова шло дальше его программных установок. В этом разгадка того, почему, по выражению Дейча, «новые взгляды уживались с прежними, нисколько не мешая одни другим»¹⁸.

Последние исследования дают основания полагать, что на политическое развитие Плеханова и его товарищей оказывали влияние не только произведения основоположников научного коммунизма, но также и их отзывы, критические замечания в адрес чернопеределцев, время от времени доходившие от лиц, бывших тогда в близких отношениях с К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Известно, что первые отзывы основоположников научного коммунизма о группе чернопеределцев были отрицательными. В середине мая 1880 г. в письме к Лаврову Гартман писал, что в отличие от «Народной воли» «Маркс не смотрит на партию чернопеределцев как на партию живую»¹⁹. 27 мая того же года в письме к Морозову Гартман писал: «Выбирая из двух, он (Маркс. — А. Б.) решительно становится на нашу сторону за программу террористов»²⁰.

Но уже после выхода второго номера «Черного передела», где была передовая статья Плеханова с безоговорочным признанием политической борьбы, отношение Маркса к заграничным чернопеределцам как будто начинает изменяться. 9 октября 1880 г. Гартман сообщал Морозову, что Марксу и Энгельсу понравилась статья Стефановича во втором номере «Черного передела», которой они «не нахвалятся»²¹. Г. С. Жуйков полагает, что поскольку статья Стефановича о Чигиринском заговоре не была теоретической, на ее оценке сказалось влияние передовой статьи Плеханова²².

И несмотря на это в известном письме к Ф. А. Зорге от 5 ноября того же 1880 г. Маркс резко критикует чернопеределцев за их отказ от «всякой революционно-политической деятельности», за их мечты о том, что «Россия должна одним махом перескочить в анархистско-коммунистически-атеистический рай»²³. Между тем Плеханов, по его словам, «все больше и больше удалялся от *анархизма*, все больше и больше приближаясь к социал-демократии» (т. 24, с. 159), и был ближе к признанию марксизма в качестве единственно верного революционного учения, чем любой из народовольцев. На

приведенной выше оценке «Черного передела» Маркса помимо тенденциозной информации, шедшей прежде всего от Гартмана, отразилось отсутствие живых контактов у Маркса и Энгельса с заграничными чернопеределцами. Были и побочные причины. Прежде всего Марксу не могло понравиться помещение на страницах их печатного органа статьи И. Моста с нападками на тактику германской социал-демократии²⁴. Во-вторых, незнание действительных обстоятельств, почему руководящая группа чернопеределцев покинула Россию и обосновалась в Женеве. Наконец, в-третьих, Маркс тогда не знал (и не мог знать) об эволюции бывших чернопеределцев в сторону марксизма и социал-демократии²⁵. Он не знал, с каким исключительным интересом изучал Плеханов произведения его и Энгельса и какой вес их идеи приобретали в мировоззрении Плеханова и его товарищей.

Осенью 1880 г. Плеханов с женой переехал на жительство в Париж. Поселились они в гостинице на бульваре Сен-Мишель, в комнате на шестом этаже²⁶. В материальном отношении это было тяжелое для семьи Плехановых время. Работу найти было трудно, приходилось жить на небольшую сумму денег, которую присылал дочери отец Розалии Марковны.

В начале 1881 г. в Париж приехала Т. В. Полляк, больная чахоткой. Летом 1880 г. в Киеве на ее руках умер грудной ребенок Плехановых, и она решила отправиться за границу, чтобы подлечиться. Приходилось содержать троих. Только помощь друзей, особенно П. Л. Лаврова, несколько облегчала положение.

В идейном же отношении последние месяцы 1880 и начало 1881 г. дали Плеханову чрезвычайно много. Он почти ежедневно посещал Национальную библиотеку в Париже или библиотеку Св. Женевьевы, что делал обыкновенно по утрам. Дейч вспоминал, что когда он в зиму 1880—1881 г. при встрече с Плехановым поинтересовался, читал ли он в подлинниках всех физиократов и французских материалистов XVIII в., то получил утвердительный ответ²⁷. Вечера он проводил дома за книгой или посещал рабочие собрания с неизменным выступлением на них социалистов. Много пользы приносили также постоянные контакты с таким энциклопедически начитанным человеком, как Лавров, с которым Плеханов часто встречался, обсуждал интересовавшие его вопросы, вел длительные беседы. В конце 1880 г. Плеханов приступил к работе над статьей, заказанной ему через Лаврова редакцией жур-

нала «Отечественные записки». В статье, которая называлась «Новое направление в области политической экономии», должны были быть разобраны взгляды «историко-реалистического направления» в политэкономии или так называемой школы катедр-социалистов.

В канун нового 1881 г. у Плеханова произошло еще одно знакомство, оказавшее заметное влияние на эволюцию его взглядов от народничества к марксизму. Речь идет о Жюле Гедде, прошедшем в некоторой степени сходный с Плехановым путь идейного развития. В свое время он был активным анархистом, но затем под воздействием крепнущего рабочего движения во Франции и серьезного изучения работ К. Маркса и Ф. Энгельса стал убежденным сторонником идей научного социализма. Знакомство с Ж. Гедом и его семьей произошло в период высшего подъема его агитационной деятельности, связанной с созданием французской социалистической партии. В 1879 г. на съезде в Марселе Ж. Гед и П. Лафарг провозгласили образование Рабочей партии, а год спустя была принята разработанная ими программа, вступление к которой по просьбе Лафарга написал Маркс.

Присутствуя на многочисленных выступлениях Ж. Гедда на рабочих собраниях в Париже, Георгий Валентинович и Розалия Марковна искали повода лично познакомиться с ним. Помог случай. Как-то в начале декабря 1880 г. от одной знакомой Розалия Марковна узнала, что жена Гедда больна и хотела бы лечиться у русской докторши. Воспользовавшись этим, Розалия Марковна стала посещать жену Гедда почти ежедневно, пока та к концу декабря окончательно не окрепла. Под новый 1881 г., когда супруги Плехановы собирались его встретить в кругу русских эмигрантов, в гостиницу, где они жили, явился Ж. Гед, чтобы поблагодарить гражданку Плеханову за заботу о его жене. Гедда провели в комнату, усадили за стол и за чашкой чая в оживленной беседе провели время до утра.

«Разговор шел о теориях Маркса, об их судьбе во Франции и в России, об успехе марксистской пропаганды во Франции, — писала Розалия Марковна. — Плеханов изложил свое понимание великого учителя. Глаза Гедда и Плеханова сверкали энтузиазмом и безграничной верой в будущее социализма. Изумительно было полное единство этих двух людей, понимавших друг друга с полуслова, — будто их знакомство началось не с этого вечера, а уже несколько лет назад, и будто их соединяла давняя дружба»²⁸.

В это время Плеханов знакомится с известной коммунарой Луизой Мишель, вернувшейся в конце 1880 г. с Новой Каледонии, редактором газеты «Эмансипация» Леклером, популярным среди французских рабочих оратором Ж. Лабускьером и другими видными социалистами, жившими в Париже.

Зимой 1880—1881 гг. в русской колонии в Париже происходили многочисленные дискуссии на злободневные темы, дававшие Плеханову возможность испробовать себя в новом качестве. Р. М. Плеханова отмечала, что в дискуссиях того времени «он как бы определял себя самого, формировался в новом политическом и социальном мировоззрении. Он становился марксистом»²⁹. То же самое отмечал и Дейч. Он писал, что, встречаясь в ту зиму с соотечественниками, Георгий Валентинович «при всяком удобном случае стремился привить им интерес к марксизму» и с этой целью выступал на русских собраниях в Париже, где «имел огромный успех», хотя «не приобрел ни единого прозелита»³⁰.

Об одном из таких собраний, где речь шла о терроре, Р. М. Плеханова писала: «Это было в 1880 г. Собрание русской революционной колонии в Париже. Председательствует П. Л. Лавров. Плеханов выступал против террора как исключительного способа борьбы с самодержавием. Ему возражали народовольцы и другие. По окончании собрания к Плеханову подошел поэт Минский и говорит ему: «Что вы, Георгий Валентинович, так горячо спорите против террора, ведь недавно началась террористическая борьба с самодержавием, а нам уже дышать легче». На это Плеханов отвечает: «Видите, г. Минский, я ничего не имел бы против террора, если бы вы и ваши единомышленники им занялись, и нам, социалистам, сделалось от вашей деятельности легче дышать»³¹.

Ответ Плеханова показывает, что можно было признавать политическую борьбу, но выступать против политического террора, если он отвлекает социалистов от их главной задачи — деятельности среди трудящихся масс и наносит ущерб их связям с организациями трудящихся, прежде всего рабочих. Согласившись весной 1880 г. признать политический террор, Плеханов видел в нем только одну из форм, причем далеко не самую главную, политической борьбы, а именно форму борьбы социалистической и околосоциалистической интеллигенции. Таким образом, политическая борьба понималась Плехановым иначе, чем народовольцами. Как он сам отмечал, признание необходимости политической свободы, а следовательно, и борьбы за нее у чернопеределцев — преж-

де всего самого Плеханова — было связано с осознанием того, что «Россия не минет фазы капитализма и что, вследствие этого, *промышленному пролетариату* суждено стать главной силой революционного движения...» (т. 13, с. 27). Мысль, что Россия не минет капитализма, все больше утверждалась в сознании Плеханова зимой 1880—1881 г.

Сохранилась плехановская запись дискуссии о «Народной воле» и терроре, состоявшаяся в Париже 15 января 1881 г.³² Оппонентом его выступал народоволец Чепурин. Вот как объяснял Плеханов экономическое состояние России и ход революционного движения в стране: «...В нашем социально-революционном движении замечались некоторые отклонения, немислимые на Западе. Это, говорил я словами Энгельса, объясняется экономией современной этому движению эпохи. Наши общественные отношения до сих пор находятся в состоянии переходном между капиталистическим и общинно-натуральным хозяйством. С одной стороны, община продолжает еще служить главным типом поземельных отношений в крестьянстве; земледелие до сих пор продолжает составлять главную отрасль русского производства; а с другой, — в эту общину капитализм стал уже запускать свои когти. По словам автора «Сборника статистических сведений о Московской губернии» Орлова, во многих общинах происходит распадение ее на два класса: кулаков и «исправных мужичков», с одной стороны, и бездомных пролетариев — с другой. В прежние время эта деревенская голь спасалась в незаселенные окраины, образовывала шайки понизовой вольницы и т. д. и т. д. Теперь обстоятельства переменились. Окраины находятся под покровительством тех же становых и урядников, что и родная деревня бегущего куда глаза глядят крестьянина. Но если этот путь спасения отрезан, то тот же процесс исторического развития создал другой — *заработки на стороне*. Эти отхожие промыслы и поставляют контингент рабочих рук, необходимый для нашей нарождающейся капиталистической продукции. Он вербуетя и пополняется очень исправно... Таким образом, страна переживает переходное экономическое состояние. Ему должно соответствовать и переходное состояние умов. Сообразно с двумя борющимися экономическими тенденциями: отживающей общинной и нарождающейся капиталистической — в единственном активном политическом движении должно было произойти 1) стремление приспособить теорию к жизненным отношениям и потребностям крестьянства и 2) раз началось это приспособление —

то раздвоение а) в сторону борьбы с абсолютизмом, т. е. соответствующее капитализму либеральное течение и б) защита форм общинной жизни *an und für sich* — народничество 76—77 гг., народничество, мечтавшее о самозванцах, отрекавшееся от социализма и в определении задач своей пропаганды ничего не прибавившее к идеалу Разина и Пугачева, народничество, создавшее народно-революционные организации с помощью якобы царских указов.

Так создались два течения, которые я назвал бы политическим оппортунизмом и экономическим староверством»³³.

В приведенном отрывке записи дискуссии обращает на себя внимание следующее. Во-первых, экономическое развитие России представляется Плеханову как переходное от общинно-натурального (если иметь в виду крестьянское хозяйство) к капиталистическому. Во-вторых, объяснение причин раскола революционного движения в России удовлетворяет требованию марксистского анализа рассматривать его (революционное движение) в зависимости от хода экономического развития страны. В-третьих, совершенно ясно, что себя он больше не относит к экономическим староверам. Наоборот, «экономическое староверство» противопоставляется его новым экономическим и социальным взглядам, которые, как мы уже отмечали, с осени 1880 г. фактически ничего народнического не содержали. Со времени переезда в Париж, особенно с зимы 1880—1881 г., начинается также пересмотр его программно-тактических взглядов.

В конце 1880 г. чернопередельцам, находившимся в России, удалось организовать новую типографию в Минске, и, начиная с третьего номера, издание журнала переносится в Россию. Третий номер был последним, в котором принимал участие Плеханов. Группа, продолжившая издание «Черного передела», в начале 1881 г. разработала новую программу под названием «Программа Народной партии». Об этой программе Плеханов критически отзывался в письме к Лаврову³⁴.

В том же направлении, хотя и более медленно, шел процесс эволюции взглядов товарищей Плеханова, живших в Женеве. В этом отношении интересны обстоятельства, при которых В. И. Засулич обратилась к К. Марксу с известным письмом от 16 февраля 1881 г.

В девятом, сентябрьском номере журнала «Отечественные записки» за 1880 г. была помещена статья ставшего известным народнического публициста В. П. Воронцова, писав-

шего под инициалами В. В., озаглавленная «К вопросу о развитии капитализма в России». В статье он доказывал, что в отличие от Западной Европы развитие капитализма в России нельзя считать явлением прогрессивным, так как, используя передовую технику, он в массовых размерах разоряет народное производство, т. е. крестьян и ремесленников, не предоставляя им взамен этого работы на капиталистической фабрике, ограничивает этим внутренний рынок и при невозможности выхода России на внешние рынки готовит тем самым условия, если не гибели, то во всяком случае лишь бесперспективного существования. Оказывалось таким образом, что в отличие от европейских стран, где капитализм появился значительно раньше, в России для его успешного и прогрессивного развития нет достаточной почвы. Отсюда Воронцовым ставился вопрос о необходимости сохранения форм народной экономической жизни, прежде всего крестьянской общины как альтернативы тому экономическому разорению, которое приносит развитие капитализма в России³⁵.

По прочтении статьи Воронцова С. Кравчинским, Я. Стефановичем, В. Засулич, Л. Дейчем и польскими социалистами Ш. Дикштейном и Л. Варыньским, «у нас, — вспоминал Дейч, — завязался горячий спор, во время которого первые двое соглашались с В. В., мы же с Верой Ивановной не соглашались со многими доводами, а двое последних решительно опровергали все его доказательства».

Так как мы, понятно, ни до чего не договорились, то кому-то пришлось на мысль обратиться за разъяснениями этого вопроса к Марксу, что мы и просили сделать Веру Ивановну и на что, не без колебаний, она согласилась»³⁶.

В письме к Марксу Засулич писала: «В последнее время мы часто слышим мнение, что сельская община является архаической формой, которую история, научный социализм — словом, все, что есть наиболее бесспорного, — обрекают на гибель. Люди, проповедующие это, называют себя Вашими учениками *par excellence*: «марксистами». Их самым сильным аргументом часто является: «Так говорит Маркс»... Вы поймете поэтому, гражданин, в какой мере интересует нас Ваше мнение по этому вопросу и какую большую услугу Вы оказали бы нам, изложив Ваши воззрения на возможные судьбы нашей сельской общины и на теорию о том, что, в силу исторической необходимости, все страны мира должны пройти все фазы капиталистического производства»³⁷.

С подобной просьбой к Марксу до этого обращались на-

родовольцы. Однако по различным причинам он не находил времени ответить им. Получив письмо от Засулич, Маркс сразу же приступил к составлению ответа. Сохранилось четыре наброска ответа на письмо Засулич. В письме Засулич от 8 марта 1881 г., по тексту почти совпадающему с четвертым наброском, была изложена в общей форме точка зрения Маркса. Указав на то, что анализ, представленный в «Капитале», не дает доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины, Маркс писал, что специальные исследования, проведенные им на основе первоисточников, привели его к выводу, что «эта община является точкой опоры социального возрождения России, однако для того чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития»³⁸.

В отличие от статьи Ф. Энгельса «О социальном вопросе в России» (1875 г.), где, в частности, излагался его взгляд (а следовательно, и Маркса) на будущее русской сельской общины и конкретно указывались условия ее перехода в высшую форму общегития (пролетарская революция на Западе), в ответе Маркса об этом условии не говорилось, хотя Маркс писал о революции в первом варианте ответа³⁹.

Ответ Маркса был получен в Женеве 10 марта 1881 г.⁴⁰ Неизвестно, какое впечатление произвел он на женевских чернопередельцев. Однако можно предположить, что если Засулич, Дейчу и Стефановичу была известна статья Энгельса «О социальном вопросе в России»⁴¹, ответ Маркса им мало что объяснял по существу поставленного вопроса⁴². У тех же, кто не знаком был с высказываниями Энгельса, могло создаться впечатление, что Маркс солидаризируется с теми народниками, которые считали русскую крестьянскую общину экономической основой социалистического развития России.

Что касается Плеханова, то, как показывает его дискуссия с Чепуриным, к тому времени у него сложилось твердое убеждение относительно крестьянской общины и экономического будущего России. Оно было выражено в письме к Лаврову, относящемуся к концу 1881 г. Но, как видно из контекста письма, высказанная в нем точка зрения относится еще к парижскому периоду жизни Плеханова, когда он лично общался с Лавровым. Выразив сожаление, что ему не пришлось послушать лекции Лаврова о капитализме в Рос-

сии, он пишет: «Я, как Вам известно (разрядка наша. — А. Б.), держусь того взгляда, что это дело уже решенное, Россия «уже вступила на путь естественного закона своего развития» и все другие пути, мыслимые, быть может, для каких-нибудь других стран, для нее закрыты». И далее спрашивая об источниках, которыми пользовался Лавров, Плеханов продолжает: «В. В. человек в высшей степени сомнительный, его данные едва ли достоверны, я убежден, что не успеет он дописать своей последней статьи о невозможности в России капитализма, как этот капитализм будет, как говорится, «ни для кого не тайной»⁴³.

Таким образом, к весне — началу лета 1881 г. во взглядах Плеханова произошло главное: перелом в сторону марксизма и социал-демократии. Признание капитализма в качестве единственно возможного пути развития России приводило к пересмотру всей системы взглядов на характер, движущие силы, стратегию и тактику русской революции.

Глава 7

УТВЕРЖДЕНИЕ В МАРКСИЗМЕ

1 марта 1881 г. народовольцы в Петербурге убили царя. Событие произвело большое впечатление на всю Европу. Все были возбуждены удачным покушением на жизнь Александра II и возлагали надежды на серьезные уступки со стороны правительства. Особенно много толков вызвало оно среди русских эмигрантов-социалистов. Общее настроение среди них было таково, что в России надо ждать перемен. Дейч писал: «Даже самые отчаянные скептики уверовали в магическую силу динамитной бомбы...»¹.

Коснулись эти настроения также Засулич, Дейча и особенно Стефановича. Только Плеханов держался другого мнения. Он писал: «...Что касается меня, то я и в письмах к своим друзьям и на собраниях русской колонии в Париже, — где я жил в то время, — не раз высказывал свое убеждение в том, что «покончив» с Александром II партия «Народной воли» нанесла смертельный удар самой себе и что на первое марта 1881 г. мы должны смотреть, как на начало конца «народовольства» (т. 13, с. 27). Дейчу он говорил, «что убийство царя не внесет ничего или очень мало в политические условия России, потому что у нас нет ни единого слоя, который

в состоянии ограничить самодержавную власть»². Своим друзьям в Женеве он советовал не торопиться в Россию, а терпеливо продолжать раз начатую работу по изучению марксизма. Посетивший Плеханова в Париже Стефанович сообщал Дейчу: «чересчур увлекся науками, носится только с Марксом и Энгельсом и вообще мало интересуется жизнью»³.

Советы Плеханова не убедили Стефановича и Дейча, и они решили отправиться в Россию, чтобы своим участием в революционной борьбе приблизить день освобождения России от самодержавия. Предполагалось, что сначала в Россию отправится Стефанович, выяснит обстановку, наведет связи, а затем по его письму выедет Дейч.

В сентябре 1881 г. Стефанович перешел границу и прибыл в Москву. Зимой того же года он вместе с А. П. Булановым, руководителем московских чернопередельцев, вступил в «Народную волю» и повел переговоры о присоединении к ней заграничных чернопередельцев. Предстояло выработать условия, на которых оно могло состояться.

Между тем в марте 1881 г. Плехановы были вынуждены оставить номер в гостинице и переехать на частную квартиру на углу улицы Паскаля и бульвара Араго. Их материальное положение ухудшилось. Хотя отец Розалии Марковны еще продолжал высылать ей деньги, но на проживание в Париже их не хватало. Георгию Валентиновичу пришлось заниматься переводами, надписывать конверты с вложенной в них рекламой (до 3 тысяч в день, по 7 франков 50 сантимов за тысячу конвертов⁴) и т. п. Вскоре хозяин потребовал, чтобы они оставили его дом. Пришлось перебираться за пределы города, где жизнь была дешевле. Поселились они в д. Мольеры, в часе езды от Парижа. Там они наняли две комнаты в крестьянской семье.

В деревне Плеханов заканчивал статью, которую он писал для журнала «Отечественные записки», «Новое направление в области политической экономии». Статья потребовала от Плеханова напряженной подготовительной работы, изучения большого количества источников, в том числе на немецком языке, которым он теперь владел в совершенстве. Готовил он статью с той основательностью, которая характеризовала его отношение к литературной работе. В письме к Лаврову он писал: «Такова моя несчастная привычка к каждой статье готовиться, как будто я собираюсь писать диссертацию»⁵.

В деревне Плеханова навещали русские эмигранты, при-

езжал как-то Лавров. При наездах в Париж Плеханов непременно посещал Лаврова, а иногда оставался у него ночевать. В этом случае беседы затягивались до поздней ночи.

В конце мая 1881 г. у Розалии Марковны родилась девочка, которую назвали Лидией. В честь казненной 4 апреля Перовской девочке решили дать второе имя — Софья⁶. Но через некоторое время ребенок заболел. Девочке необходимо было материнское молоко, а у Розалии Марковны его не хватало, нанять же кормилицу во Франции было не по карману. Поэтому решили переехать в Швейцарию, где жизнь была дешевле, чем во Франции. В сентябре 1881 г. Плеханов отправляет Розалию Марковну с дочерью и Т. В. Полляк в Женеву. Поселились они в деревушке Божи над Клараном, в нескольких километрах от Женевы. В Кларане в то время жили Засулич и Дейч.

Плеханов еще на некоторое время остался в Мольерах, но, по-видимому, во второй половине октября также перебрался в Божи. Его первое письмо из Швейцарии Лаврову помечено 31 октября 1881 г. В нем он благодарил за поздравление в связи с предстоящим выходом статьи «Новое направление...», печатавшейся в ноябрьском номере «Отечественных записок», и сообщал, что ехал из Парижа в Кларан двое суток, так как в дороге проспал Дижон и был разбужен только в Шалоне⁷.

С переездом в Швейцарию материальное положение семьи несколько улучшилось. Плеханов получил 500 франков гонорара за статью в «Отечественных записках». Деньги однако быстро разошлись на уплату многочисленных долгов, которых, как он в шутку писал Лаврову, на нем было «больше, чем на русском государственном казначействе»⁸. Пришлось снова думать о заработке. Благодаря удачному случаю Плеханов стал давать уроки русской литературы в одной богатой русской семье, приехавшей в Швейцарию и поселившейся в Кларане. Его ученицей была девочка 10—12 лет. Плеханов, любивший детей и умевший заинтересовать их поучительной беседой, интересным рассказом, блестяще справлялся со своими обязанностями. Однажды, рассказывает Дейч, отец девочки, до того не знакомый с Плехановым, захотел проводить его после урока домой. По дороге он сказал, что из прочитанного в местной французской газете заявления узнал, что Плеханов — политический эмигрант, чего он раньше даже не подозревал. Он тут же успокоил Плеханова, сказав, что «политические его взгляды не могут иметь никакого

отношения к занятиям с его дочкой, причем прибавил, что очень доволен его преподаванием»⁹. После этого отец девочки не раз провожал Плеханова до Божии, где тот жил, а через некоторое время даже предложил прибавку к гонорару за уроки. Дейч и Засулич острили: «Это вам плата за пропаганду марксизма русскому барину». «В современном капиталистическом обществе, — отшучивался Плеханов, — всякий труд должен оплачиваться»¹⁰.

Вместе с гонораром из «Отечественных записок» Плеханов получил предложение непосредственно от Н. К. Михайловского, которому очень понравилась статья «Новое направление...», написать еще одну статью для журнала. По-видимому, первоначально, еще когда Плеханов жил под Парижем, речь шла о Л. Гумпловиче, австрийском социологе и юристе, но затем Михайловский предложил тему о К. Родбертусе ввиду интереса, «который этот экономист вызывал к себе в России»¹¹.

Некоторые работы Карла Родбертуса-Ягцева, известного немецкого экономиста, Плеханов знал еще на Родине. Его имя вместе с К. Марксом, Ф. Энгельсом и Е. Дюрингом он упоминал в своих первых теоретических статьях. Но в России со взглядами Родбертуса он был знаком отрывочно и в пересказе других авторов. Работая над статьей «Новое направление в области политической экономии», он по первоисточникам ознакомился со взглядами Родбертуса. Теперь ему предстояло подробно разобрать экономические взгляды К. Родбертуса, причем представлялась удачная возможность сравнить его экономическую теорию с учением К. Маркса, так как именно в это время он собирался изучать работу Маркса «К критике политической экономии» на немецком языке. К этому же времени относится также начало его перевода с немецкого на русский язык «Манифеста Коммунистической партии» для «Русской социально-революционной библиотеки».

Одновременная работа над переводом «Манифеста» и статьей о Родбертусе оказалась чрезвычайно плодотворной для Плеханова. Она позволила ему оценить историческое значение «Манифеста» в деле революционного преобразования общества на социалистических началах в противовес теориям, пропагандировавшим достижение социализма путем вмешательства государства в отношения труда к капиталу.

По приезду в Швейцарию Плеханов был подробно посвящен Дейчем и Засулич в обстоятельства ведущихся Стефановичем переговоров о присоединении чернопердельцев к «На-

родной воле». В письме к Лаврову он писал: «Настроение моих женевских товарищей не особенно радует меня. Оно может быть сформулировано словами: «соединимся во что бы то ни стало, хотя и поторгуюемся, сколько возможно». История хватает за шиворот и толкает на путь политической борьбы даже тех, что еще недавно был принципиальным противником последней»¹². Предстояло, однако, ждать из России сообщения об условиях присоединения.

В начале ноября 1881 г. заграничные чернопердельцы получили от народовольцев четвертый номер «Черного передела», первый номер газеты «Зерно» и биографии А. Желябова, С. Перовской, Н. Кибальчича, И. Гриневецкого, предназначавшиеся для издания в их женевской типографии.

Общее впечатление от газеты «Зерно», которая издавалась чернопердельцами для русских рабочих, у Плеханова оказалось неблагоприятным. Но его поразило сообщение Стефановича, что газета очень нравится рабочим и расходуется в количестве 1000 экземпляров. И вот он в письме к Лаврову с воодушевлением высказывает свой взгляд на рабочее движение в России: «Если бы действительно «Зерно» расходилось в 1000 экземплярах *в среде рабочих!* — писал Плеханов Лаврову. — Тогда можно было бы сказать, что мы имеем уже наше *рабочее* движение. Тогда поскорее запастись нужными сведениями и *dahin, dahin*, где рабочие нуждаются уже в *своей рабочей* газете. Мне ведь и раньше казалось, что от рабочих только и можно ждать сколько-нибудь важного и серьезного участия в революционном движении»¹³.

Лучшее впечатление у заграничных чернопердельцев сложилось от газеты для рабочих, издававшейся народовольцами. По получении в конце 1881 г. от Стефановича третьего номера «Рабочей газеты» Дейч писал Лаврову: «По тенденции, как видите, она вовсе недурна, и руководители ее готовы поставить ее на почву определенной социалистической программы...»¹⁴. Благоприятно отнеслись к «Рабочей газете» Плеханов и Аксельрод, давшие свое согласие на сотрудничество в ней. Однако третий номер газеты оказался последним.

Под влиянием ожившей деятельности среди городских рабочих и успехов пропаганды, о которых писал Стефанович, Плеханов смягчил свое отношение к переговорам с народовольцами: он не возражал против литературного сотрудничества с ними.

С наступлением осени Дейч и Засулич переехали в Же-

неву. Плехановы продолжали жить в Божии, но Георгий Валентинович нередко незжал в Женеву, где виделся с Дейчем и Засулич. Он продолжал много заниматься: писал статью о Родбертусе, работал над переводом «Манифеста» на русский язык, вынашивал планы популярного изложения в книге на русском языке основных идей «Капитала».

Тем временем Дейч и Засулич, по выражению Дейча, «отдались» интересам «Народной воли»: первый приступил к оборудованию в Женеве типографии для народовольцев, где потом были напечатаны биографии первомаговцев, присланные из России, печатался маленький сборник «На Родине», а с 1883 г. — «Вестник Народной воли», вторая стала представительницей заграничного отделения «Красного креста Народной воли»¹⁵.

14 декабря 1881 г. к П. Лаврову от имени Исполнительного Комитета «Народной воли» обратился М. Ф. Грачевский. Лаврову вместе с С. Кравчинским предлагалось составить специальную редакционную группу, которая вошла бы в состав общей организации «Народной воли» и стояла в подчиненном отношении к центру. В редакционную группу предлагалось включить Плеханова¹⁶. Еще раньше с просьбой развернуть агитацию в пользу журнала среди русских эмигрантов к Дейчу обратился Стефанович¹⁷. Таким образом в конце 1881 г. в переговоры с народовольцами был вовлечен и Плеханов.

Между тем в ряде номеров «Народной воли» конца 1881 г. появились статьи, из которых явствовало, что, сделав поворот после мартовских событий 1881 г. в сторону признания за народными массами — прежде всего за городскими рабочими — их более важного значения в революционной борьбе, народовольцы не отказались от тех особенностей своей теории, которые делали ее самобытной и утопической. Это осложняло с самого начала ход переговоров.

Первый инцидент с народовольцами касался их оценки выступления П. Аксельрода на социалистическом конгрессе в Хуре в октябре 1881 г. Своей задачей Аксельрод считал объяснить делегатам конгресса, что террор «Народной воли» нельзя сравнивать с методами действий западноевропейских анархистов, так как он осуществляется в стране с полным отсутствием гражданских прав. В результате конгресс принял резолюцию, выражавшую свою поддержку и сочувствие русским революционерам. В ответ на это в «Народной воле» появилась статья (№ 7 от 23 декабря 1881 г.), в которой не

только не выражалась благодарность за выступление в защиту «Народной воли» перед европейскими социалистами, но высказывалось сожаление о том, что «русский гость» (Аксельрод присутствовал на конгрессе в качестве гостя с совещательным голосом) недостаточно знаком с развитием русского революционного движения и неправильно изложил действительные принципы и задачи партии «Народной воли»¹⁸.

Именно в этой статье, написанной главным идеологом партии Л. А. Тихомировым, содержались положения, которые Плеханов и его товарищи не раз потом критиковали за их теоретическую путаницу и которые несколько позже в «Письме Исполнительного комитета «Народной воли» заграничным товарищам» нашли свою краткую формулировку в печально знаменитых словах: «Мы какие были, такие и есть, т. е. не радикалы и не социалисты, а просто народовольцы»¹⁹. Статья Тихомирова свидетельствовала о том, что в конце 1881 г. в вопросах теории «Народная воля» стояла на том же, что и при своем основании осенью 1879 г. «Ну, как после этого действовать заодно с ними?» — спрашивал Дейча Плеханов²⁰. Несмотря на это Плеханову и его товарищам тогда казалось, что в случае приезда руководителей «Народной воли» за границу положение может и должно измениться под влиянием рабочего движения на Западе и знакомства с трудами К. Маркса и Ф. Энгельса²¹.

Второе событие было связано с призывом в одной из статей «Народной воли» использовать еврейские погромы, которые тогда происходили на юге России, в качестве начального этапа в развертывании народного движения против правительства (№ 6 от 23 октября 1881 г.). Правда, статья была написана Г. Романенко, а не Тихомировым, как в первом случае, и выраженные в ней взгляды в целом не разделялись большинством народовольцев. Но никаких разъяснений по этому поводу «Народная воля» не дала.

Далее. В письме Исполнительного Комитета Александру III народовольцы требовали от царя и правительства свободного созыва представителей от всего народа для разрешения насущных нужд государства согласно народным требованиям²². В конце 1881 г. Дейч получил письмо от Стефановича, в котором он сообщал о намерении народовольцев захватить власть в свои руки. В качестве основной опять выдвигалась теория «заговора и захвата власти» революционерами. С этим бывшие чернопеределъцы согласиться не могли. Признание революционной государственности сопровождалось у

них критикой народничества в целом и переходом на позиции научного социализма К. Маркса и Ф. Энгельса. Зная резко отрицательное отношение Плеханова к подобным планам, Дейч и Засулич ничего не сказали ему об этом письме.

Новый 1882 г. Плеханов встретил в Женеве с Дейчем. «Мы с ним, — вспоминал Дейч, — бродили по улицам, переполненным гулявшими, заходили в рестораны, где за столиками пива или местного вина встретили новый год. О многом толковали мы в ту ночь; при этом он по обыкновению шутил, острил, рассказывал забавные эпизоды. Он был особенно весел, в ударе. Как всегда в подобные моменты, рядом с шутками и анекдотами, он бросал меткие замечания, блестящие мысли»²³.

В феврале 1882 г. бывшие чернопеределъцы получили известное «Письмо Исполнительного комитета «Народной воли» заграничным товарищам», полностью подтверждавшее сообщение Стефановича. В этом документе характерной, определяющей особенностью народовольчества объявлялась теория «государственного переворота», началом которого должен был быть «захват государственной власти революционерами»²⁴. В нем предлагалось всем, стоящим на точке зрения «Народной воли», присоединиться к партии в качестве товарищей, не согласным с ней отводилась роль союзников. Таковы были условия, выставленные народовольцами.

Легко представить, какого труда стоило Плеханову и его товарищам подготовить ответ народовольцам. Сначала за составление ответа взялся Плеханов, потом это пыталась сделать Засулич. Однако у них он получался не достаточно дипломатичным. Наконец, все согласилось с текстом ответа, составленным Дейчем. «Ответ чернопеределъцев-эмигрантов Исполнительному комитету «Народной воли», как он официально называется, посланный в Россию в марте 1882 г., как бы подвел итог совместной работе женевских чернопеределъцев по усвоению идей научного социализма. Его справедливо считают социал-демократическим документом»²⁵.

В своем ответе заграничные чернопеределъцы, руководствуясь стремлением к объединению, делали все возможное, чтобы как-то сгладить разногласия, разделявшие их с народовольцами. «Письмо это, — писал Плеханов Лаврову, — написано по разным соображениям более или менее дипломатического свойства... Если мы не оттеняем, не указываем на свои разногласия в письме, то это объясняется тем, что мы на-

деялись и надеемся мирным путем повернуть «народовольчество» на надлежащую дорогу...»²⁶. Тем не менее принципиальных разногласий по главным вопросам они скрыть не могли.

В начале письма они весьма осторожно высказываются против того, чтобы считать народовольчество самобытным российским явлением. Они пишут, что поскольку целью «Народной воли» является передача в руки «массы рабочей и крестьянской» всех средств и орудий труда, народовольцы должны называться социалистами. Желание звать себя «ни социалистами, ни политическими радикалами, а просто народовольцами», объясняют они дальше, вытекает из ошибочного представления, что «на Западе социалисты не занимаются политикой и, наоборот, занимающиеся политикой не интересуются рабочими массами»²⁷. «Нет, — пишут чернопередельцы, — на Западе социалисты также занимаются политикой. Проповедуют воздержание от нее лишь малочисленные и слабые остатки бакунистов или анархистов»²⁸.

Выразив далее полное согласие с народовольцами относительно необходимости политической деятельности, чернопередельцы переходят к вопросу о задачах и целях политической деятельности в России. Вы утверждаете, пишут они, что наиболее целесообразный способ достижения поставленной перед собой цели — это «захват власти революционерами». Мы же думаем, что «нельзя надеяться на возможность захвата власти революционерами. Еще менее считаем мы возможным надеяться на прочное завладение этой властью социалистами, пока народная масса будет находиться в том состоянии индифферентизма, политической невоспитанности и неспособности к организации и дисциплине, в каком она находится в настоящее время. Вот почему мы думаем, что власть социалистов может покоиться лишь на прочном фундаменте сознательного сочувствия и активной самодеятельности народных масс... Но силой восприимчивой, наиболее обещающей результатов для нашей главной цели средой мы считаем городских рабочих. Среди них и теперь уже возможна и необходима социалистическая пропаганда. Не говоря уже о том, что никакое серьезное политическое движение невозможно без участия городских рабочих, заложенные среди них основания тайных социалистических организаций могли бы послужить ядром для развития будущей социалистической партии при новых, более свободных условиях»²⁹.

Далее они пишут о том, что ближайшие задачи социа-

листов сводятся «к уничтожению абсолютизма, к завоеванию политической свободы и заложению основ рабочей социалистической партии в России»³⁰. И вообще они полагают, «что следовало бы отделить *ближайшие* наши требования от наших окончательных стремлений, нашу программу-минимум от наших идеалов. Сделавши это, мы выступили бы в качестве социалистической партии, действующей рядом с либеральными партиями, поскольку требования этих партий являются революционными по отношению к современному азиатски-деспотическому режиму. Такая определенность в постановке нашей ближайшей программы только способствовала бы, по нашему мнению, увеличению популярности «Народной воли», как в обществе, так и в среде молодежи и рабочих. Но тогда нужно было бы выработать эту программу минимум, отделить требования полной свободы печати, сходов и ассоциаций, неприкосновенность жилища, всеобщей подачи голосов и т. д.»³¹.

Сделав затем замечания по поводу неясности, неопределенности и непоследовательности, которыми страдает народовольческая публицистика в вопросах отношения к либералам, определения характера Земского собора в качестве органа социалистической ликвидации, по поводу оценки речи П. Аксельрода на Хурском конгрессе как «вредной» и некоторых других, бывшие чернопередельцы предоставляли народовольцам право самим судить, насколько существенны разногласия между ними. В заключение они выражали надежду работать с ними, «как с товарищами»³².

Коллективный ответ чернопередельцев-эмигрантов показывает, что вслед за Плехановым марксистами становились Дейч, Засулич, а также Аксельрод³³. По воспоминаниям Дейча, после чтения ответа «Георгий Валентинович, вскочив с места, быстро зашагал по комнате, затем с радостной улыбкой на лице воскликнул: «Теперь я вижу, что нас связывает не только личная симпатия и близость, но и идейное согласие, общее нам учение Маркса и Энгельса»³⁴.

В ответе содержались все основные элементы социал-демократической программы. Ответ показывает, что на российское революционное движение они смотрели как на составную часть общеевропейского социалистического движения. А это основывалось на признании капиталистического развития России. Они отличали социалистические задачи от общедемократических и в соответствии с этим выделяли программы: ближайшую (программу-минимум) и конечную («на-

ши идеалы»). В качестве ближайших выдвигались задачи уничтожения абсолютизма и завоевания политической свободы, причем успешное их решение ставилось в зависимость от поддержки социалистами требований других оппозиционных партий, поскольку эти требования направлялись против существующего режима. Основной революционной силой в России у них выступают городские рабочие, т. е. промышленный пролетариат. Выставляется также ближайшая цель социалистов — «заложение основ рабочей (разрядка наша. — А. Б.) социалистической партии в России». Все эти элементы социалистической программы были потом подробно развиты Г. В. Плехановым в его работе «Социализм и политическая борьба».

В это же время шла переписка между П. Лавровым и Плехановым по поводу сделанного Плеханову предложения о вхождении в редакцию «Вестника Народной воли». Первоначально, еще до получения «Письма Исполнительного комитета «Народной воли» заграничным товарищам», в письме к Лаврову Плеханов отказывался от редакторства, но соглашался сотрудничать в журнале. Затем под влиянием настояний Лаврова, убеждений своих товарищей, прежде всего Дейча и Засулич, наконец, дисциплины, которая связывала бывших чернопередельцев после коллективного ответа народо-вольцам, Плеханов согласился войти в состав редакции. «Человек, имеющий понятие о дисциплине, — писал он Лаврову, — не может поступить по своему личному усмотрению в том случае, когда усмотрение это идет в разрез с мнением его товарищей... Вы, Евгений (партийная кличка Дейча. — А. Б.), Вера и др. должны произнести окончательный приговор по этому делу. Я подчиняюсь ему во всяком случае»³⁵. «Мы, — замечает по этому поводу Дейч, — конечно, высказались «за» принятие им этого предложения...»³⁶.

Вместе с тем в двух письмах к Лаврову, помеченных при публикации первое — началом 1882 г., второе — позднее 17 марта 1882 г., Плеханов изложил свои соображения по поводу нежелательности его вхождения в редакцию «Вестника Народной воли». Причины эти сводятся, во-первых, к разногласиям его и его товарищей с партией «Народной воли», во-вторых, к разногласиям его с С. Кравчинским как одним из предполагавшихся редакторов журнала. По понятным причинам Плеханов не указывает на свои разногласия с Лавровым, но некоторые, относящиеся к Кравчинскому, касаются и Лаврова.

Разногласия с народо-вольцами в свою очередь подразделяются им на общетеоретические (исторические, философские) и на задачи практической революционной деятельности в России. Последние он считал самыми важными.

Первые излагаются им следующим образом. «...Я не «самобытник» и не вижу в русской истории никаких *существенных* отличий от истории Запада. Тем менее вижу я в ней чего-либо *диаметрально противоположного* с историей Запада. А между тем «Народная воля» в каждой передовой статье силится доказать какую-то «Gewaltstheorie», по которой в России не политика родилась из экономики, а наоборот. Это стремление ее всю русскую историю «auf den Kopf zu stellen» заставляет меня относиться к своему литературному сотрудничеству в изданиях народо-вольцев с большой осмотрительностью»³⁷. Таким образом, «несогласия наши с народо-вольцами вовсе уже не так незначительны, как это может показаться из письма к ним»³⁸.

Если надежда повернуть их «на надлежащую дорогу» не оправдается, бывшим чернопередельцам придется стать в оппозицию. «...Удобно ли это будет для меня как редактора «Вестника Народной воли»?» — спрашивает Плеханов³⁹.

О задачах революционной деятельности в России он пишет: «Народо-вольцы хотят *государственного переворота*, *coup d'Etat*, я хотел бы, чтобы они от таких невозможных планов совершенно отказались»⁴⁰. В противовес народо-вольцам он выдвигает, по существу, задачи программы-минимум, сформулированные в ответе чернопередельцев. Он делает упрек Лаврову за то, что тот предпочел «такой оборот программы — требованию политической свободы и всеобщего избирательного права»⁴¹.

О разногласиях с С. М. Кравчинским Плеханов пишет: «...Сергей Михайлович анархист, или вернее федералист, по его собственным словам. Я — не то, не другое. Стоя на той дороге, на которую поставили события народо-вольцев, нельзя быть ни анархистом, ни федералистом, нужно быть строго последовательным *централистом*»⁴². Он выражает опасение, что если «Вестник» будет проповедывать федерализм, это его свяжет в полемике с Драгомановым. Теперь он сожалеет, что в свое время согласился участвовать в «Черном переделе» как органе социалистов-федералистов. «Я теперь решительный противник федерализма: по-моему, лучше якобинство, чем эта мелкобуржуазная реакция»⁴³.

В другом месте он пишет о Кравчинском: «...Он что-то в

роде прудониста, я — не понимаю Прудона; характеры наши тоже несходны: он человек, относящийся в высшей степени терпимо ко всем оттенкам социалистической мысли, я готов создать из «Капитала» прокрустово ложе для всех сотрудников «Вестника Народной воли»⁴⁴. Последнее высказывание, несомненно, относится не только к Кравчинскому, но и к Лаврову.

В утверждении Плеханова на позициях научного социализма следует особо выделить его работу над переводом на русский язык «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. Вспоминая позже об этом событии, Плеханов писал: «Лично о себе могу сказать, что чтение «Коммунистического Манифеста» составляет эпоху в моей жизни. Я был вдохновлен «Манифестом» и тотчас же решил его перевести на русский язык. Когда я сообщил о моем намерении Лаврову, он отнесся к нему равнодушно. «Конечно, следовало бы перевести «Манифест», — сказал он, — но вы сделали бы лучше, если бы написали что-нибудь свое». Я не торопился выступить сам и предпочел сначала перевести «Манифест»⁴⁵.

Первый русский перевод «Манифеста», сделанный, как полагают, М. А. Бакуниным в 1869 г., имел существенные недостатки: перевод текста нередко давался приблизительный и с ошибками, целый ряд терминов был переведен на русский язык неадекватно. Например, понятие «класс» переводилось как «сословие», «классовые противоречия» как «сословные различия», «открытое восстание» заменялось словом «бунт» и т. д.⁴⁶ При переводе «Манифеста» Плеханову пришлось заняться выработкой научной марксистской терминологии, которая потом утвердилась в русской социально-экономической и политической литературе.

К переводу «Манифеста» Плеханов приступил, по-видимому, в ноябре 1881 г. Вначале в его руках был экземпляр «Манифеста», полученный Н. А. Морозовым от К. Маркса в числе пяти или шести книг при посещении его в Лондоне в декабре 1880 г. «Манифест», как и другие книги, предназначался для «Русской социально-революционной библиотеки», в редакцию которой входил Морозов⁴⁷. Работа, однако, вскоре была прервана народовольцем В. И. Иохельсоном (Голдовским), выпросившим его у Плеханова для отправки в Россию и обещавшим взамен другой экземпляр «Манифеста»⁴⁸. Не получив вовремя обещанного экземпляра от Иохельсона, Плеханов обратился с просьбой к Лаврову выслать ему свой

экземпляр «Манифеста». Тот выслал ему экземпляр «Манифеста», включавший предисловие авторов к новому немецкому изданию 1872 г. В декабре 1881 г. Плеханов писал Лаврову: «Хотя я и получил от Голдовского его экземпляр «Манифеста», но Ваш — с предисловием авторов к новому изданию, чего нет в первом, а это очень важно. Это предисловие навело меня на мысль попросить Маркса или Энгельса написать к нашему переводу новое, более полное предисловие... Если находите мою мысль исполнимой, то потрудитесь написать об этом Марксу, так как к Вашей просьбе он отнесется с гораздо большим вниманием, чем ко всякой другой»⁴⁹.

В ответ на это Лавров в январе 1882 г. обратился к Марксу с письмом, где, сообщив о готовящемся переводе на русский язык «Манифеста» с примечаниями Плеханова, которого он характеризовал как одного из самых ревностных его учеников, он писал: «Не будете ли вы так добры написать несколько строк нового предисловия специально для нашего издания. Читателям было бы крайне интересно узнать, как авторы «Манифеста» толкуют его в 1882 г., и это придало бы большую ценность нашему переводу в глазах публики. Если Вы и Энгельс согласитесь выполнить нашу просьбу, мы будем Вам очень благодарны»⁵⁰.

Несмотря на горе, обрушившееся на Маркса в это время (смерть жены), он вместе с Энгельсом написал предисловие (автограф Энгельса), помеченное 21 января 1882 г., и 23 января отослал его Лаврову⁵¹.

Над «Манифестом» Плеханов работал вместе со статьей о Родбертусе для «Отечественных записок». В письме к Лаврову, которое надо датировать январем 1882 г.⁵², он сообщает, что перевод «Манифеста» еще не окончен. «Дайте мне немножко управиться со статьей, и я очень скоро представлю Вам рукопись «Манифеста». Я прошу и Вас, и все собрание редакции Р. С.-Р. Б. не выходить окончательно из терпения и повременить с «Манифестом». Мне не хотелось бы передавать перевод его в другие руки»⁵³. Зная, что Маркс болен, но не имея еще сведений от Лаврова относительно предисловия к «Манифесту», он пишет: «Что касается до предисловия к «Манифесту», то ведь его мог бы написать и Энгельс. Он такой же автор «Манифеста», как и Маркс, и, кажется, совершенно здоров и по настоящее время. Как Вы думаете, не обратиться ли к нему? Право, было бы очень и очень хорошо!»⁵⁴.

Получив предисловие от Маркса, Лавров, по-видимому,

сразу переслал его в Женеву Плеханову и его товарищам, так как 2 февраля Дейч уже отправил в Россию немецкий и русский (в переводе Плеханова) тексты предисловия для журнала «Народная воля» с просьбой напечатать его в ближайшем номере⁵⁵.

В предисловии к русскому изданию «Манифеста» Маркс и Энгельс снова возвращались к вопросу, поставленному В. Засулич в письме к Марксу от 16 февраля 1881 г. На этот раз мысли Маркса и Энгельса о возможности сокращенного, минуя капиталистическую стадию, пути развития России к социализму получали следующее выражение: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»⁵⁶.

Русский текст предисловия впервые был опубликован в восьмом — девятом номере «Народной воли» от 5 февраля 1882 г. (вышел номер, по-видимому, не раньше конца февраля) под заголовком «Предисловие, написанное К. Марксом и Ф. Энгельсом к предпринятому «Русской соц.-революц. библиотекой» переводу «Манифеста Коммунистической партии».

Между тем перевод «Манифеста» еще не был окончен. 6 февраля 1882 г. Плеханов писал Лаврову, что оставляет на время работу над статьей о Родбертусе, скорое завершение которой было для него вопросом хлеба, и берется за окончание перевода⁵⁷. Затем в письме к Лаврову, датированном позднее 17 марта, Плеханов сообщал: «Манифест» печатается (не по моей вине долго)⁵⁸. Вышел «Манифест» из печати в мае 1882 г.⁵⁹

Предисловие Плеханова к «Манифесту», озаглавленное «Несколько слов от переводчика» справедливо характеризуется как документ, заключающий в сжатом виде основные положения марксизма⁶⁰.

В предисловии к «Манифесту» Плеханов выделяет имена К. Маркса и Ф. Энгельса среди всех остальных социалистов и экономистов, связывая появление научного социализма только с ними. Вместе с другими произведениями их авторов «Манифест», пишет Плеханов, «открывает новую эпоху в истории социалистической и экономической литературы — эпоху беспощадной критики современных отношений труда к капиталу и, чуждого всяких утопий, научного обоснования социализма»⁶¹.

Далее он указывает на значение «Манифеста» в условиях

открытой борьбы с самодержавием в России, когда определение задач политической деятельности выдвигается на первый план среди русских социалистов. «Манифест», — пишет он, — может предостеречь русских социалистов от двух одинаково печальных крайностей: отрицательного отношения к политической деятельности, с одной стороны, и забвения будущих интересов партии — с другой. Люди, склонные к первой из упомянутых крайностей, убедятся в том, что «всякая классовая борьба есть борьба политическая» и что отказываться от активной борьбы с современным русским абсолютизмом значит косвенным образом его поддерживать. С другой стороны, «Манифест» показывает, что успех борьбы всякого класса вообще, а рабочего в особенности, зависит от объединения этого класса и ясного сознания им своих экономических интересов. От организации рабочего класса и непрерывного выяснения ему «враждебной противоположности» его интересов с интересами господствующих классов зависит будущность нашего движения, которую, разумеется, невозможно приносить в жертву интересам данной минуты»⁶².

И далее Плеханов выдвигает в качестве насущной задачу создания организации (т. е., по существу, партии) русского рабочего класса на основе, с одной стороны, расширения социалистической пропаганды, а с другой — роста тайных социалистических организаций рабочих.

Тем же, кто считал, подобно Л. Тихомирову, что задачи русских социалистов существенно отличаются от задач социалистов на Западе, Плеханов отвечал: «Но не говоря уже о том, что окончательная цель должна быть одинакова для социалистов всех стран, рациональное отношение наших социалистов к особенностям русского экономического строя возможно лишь при правильном понимании западноевропейского общественного развития. Сочинения же Маркса и Энгельса представляют собой незаменимый источник для изучения общественных отношений Запада»⁶³.

Итак, к весне (февраль — март) 1882 г. относятся три вида документов, характеризующих марксистские взгляды Плеханова: коллективный «Ответ чернопредельцев-эмигрантов Исполнительному комитету «Народной воли», письма к П. Лаврову, выражающие отношение Плеханова к его участию в редакции «Вестника Народной воли», и предисловие Плеханова к «Манифесту», озаглавленное «Несколько слов от переводчика».

Кроме этого, имеются высказывания Плеханова в ряде

его статей и писем с оценкой его взглядов того времени. Так, в статье «Почему и как мы разошлись с редакцией «Вестника Народной воли» он характеризует свои взгляды как окончательно сложившиеся социал-демократические, как взгляды убежденного социал-демократа (см. т. 13, с. 29, 30). В статье «Неудачная история партии «Народной воли», говоря о переговорах, которые вели бывшие чернопередельцы с «Народной волей», Плеханов прямо называет их «первой русской социал-демократической группой» (т. 24, с. 158). Наконец, хорошо известны слова Плеханова в письме к Н. А. Рубакину: «Я стал марксистом не в 1884, а уже в 1882 г.»⁶⁴.

К этому же времени — начало лета 1882 г. — относится мысль Л. Дейча, впервые высказанная им в разговоре с Засулич, о необходимости их выступления в качестве самостоятельной организации, получившей год спустя название группа «Освобождение труда»⁶⁵.

Суммируя сказанное, можно сделать вывод, что к весне 1882 г. заканчивается в основном формирование марксистских взглядов Плеханова: складывается диалектико-материалистическое мировоззрение Плеханова, вырабатываются основные элементы социал-демократической программы, выставляется главная задача социалистов — заложение основ социал-демократической рабочей партии в России, определяются основные направления марксистской критики народничества и народничества в целом. Правда, весной 1882 г. марксистские воззрения Плеханова не были еще выражены в подробной (развернутой) программной или литературной форме. Мы писали выше о высказывании Плеханова, что он не торопился с самостоятельным выступлением, т. е. с более или менее подробным изложением своих новых социал-демократических взглядов в печати, так как представлялась возможность использовать начатые Я. Стефановичем переговоры, чтобы повлиять на перемену программы и тактики «Народной воли», а также дожидаться окончания ее борьбы с самодержавием.

Глава 8

СОЗДАНИЕ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»

Весной 1882 г. в окрестности Кларана переехали Дейч и Засулич и почти ежедневно встречались с Плехановым. «Плеханов, по обыкновению, усиленно предавался умственным

занятиям, больше из присущих ему научных интересов, чем ввиду литературного заработка: к последнему он тогда не чувствовал особенного влечения»¹.

Материальное положение семьи значительно улучшилось по сравнению с парижским периодом. Плеханов получил гонорар за первые две части статьи о Родбертусе, помещенные в пятом и шестом номерах «Отечественных записок», продолжал давать уроки русской литературы в том же семействе. Кроме того, весной 1882 г. к нему за границу приехала сестра Александра и привезла ему небольшую долю наследства, оставшуюся от продажи дома семьи Плехановых в Липецке. Приезд сестры воскресил в его душе дорогие воспоминания о годах, проведенных на родине — в Гудаловке и Липецке.

В конце марта 1882 г. в Женеве поселилась молодая чета Русановых. Н. С. Русанов занимался тогда изучением произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, Е. Дюринга, других социалистов и экономистов и склонялся к признанию капиталистического развития экономики России. Он сотрудничал в журнале «Дело», где вел полемику по этому вопросу с Тихомировым, выступавшим под псевдонимом «Кольцов». Экономические взгляды Плеханова и Русанова во многом сходились, что обуславливало их влечение друг к другу.

В хороших отношениях находились и их семьи. Нередко Плеханов с дочерью Лидочкой в коляске или на руках, отправляясь за покупками, заходил к Николаю Сергеевичу, чтобы обменяться мнениями по поводу только что прочитанной статьи, обсудить интересовавший его вопрос. Нередко между Плехановым и Русановым возникали дискуссии. В этом случае на несколько часов они оба обо всем забывали. Шел процесс выяснения истины.

В круг хороших знакомых Георгия Валентиновича и его семьи в то время входили Элизе Реклю, известный революционер и географ, братья Лев и Илья Мечниковы. Но поскольку интересы Плеханова сосредоточивались, как мы уже отмечали, прежде всего на изучении произведений Маркса и Энгельса, а трое его знакомых склонности к марксизму не проявляли, между ними и Плехановым не было такой близости, как у Плеханова с Русановым.

К концу апреля — началу мая относится знакомство Плеханова с Г. Фольмаром, редактировавшим в 1879—1880 гг. в Цюрихе центральный орган Германской социал-демократической партии газету «Социал-демократ» и считав-

шимся тогда «левым». Познакомились они в один из приездов Фольмара в Женеву².

Летом 1882 г., когда Лидочке пошел второй год, Розалия Марковна решила продолжить свое медицинское образование, чтобы взять на себя хотя бы часть забот по содержанию семьи. Ее отец, два года посылавший ей на жизнь небольшие суммы денег, отказал ей в материальной помощи и вообще порвал с ней отношения, узнав, что она вышла замуж за русского.

Она рассчитывала из Женевы отправиться в Берн и поступить там на соответствующий курс медицинского факультета университета с зачетом экзаменов, сданных ею в России. В начале августа, чтобы снять жилье для Розалии Марковны с ребенком и Т. В. Полляк, в Берн поехал Георгий Валентинович, а затем туда приехали члены его семьи.

В Берне жила хорошая знакомая Дейча и Засулич по революционной работе в России А. М. Макаревич-Кулешова (Розенштейн), которая помогла Плехановым устроиться.

Непродолжительное проживание Плеханова в Берне отмечено личным знакомством его с Н. И. Зибером, известным в то время экономистом, популяризатором экономического учения К. Маркса. В свое время его работами Плеханов пользовался, готовя статьи для «Земли и воли». Теперь при знакомстве выяснилось, что между ними мало общего. Зибер был кабинетным ученым, его интересовала только экономическая теория Маркса, революционной сущности марксизма он не понимал. Их отношение к учению Маркса и Энгельса было прямо противоположным. Плеханов считал, что приложение марксистского анализа к экономическим отношениям в России придает новый неиссякаемый импульс для революционной деятельности. Зибер же смотрел на исторический процесс, как на фатальный, совершающийся только в силу одной экономической необходимости. Преобразующую деятельность человека, классовую борьбу он отрицал. Неудивительно, что между Плехановым и Зибером никаких деловых отношений не установилось.

Надежды Розалии Марковны не оправдались. Ей не удалось продолжить изучение медицины в Берне, так как сданные в России экзамены и зачеты не были зачтены, и ей предложили снова поступить на первый курс. Между тем, как потом выяснилось, в Женевском университете их могли зачесть после прохождения коллоквиумов по пройденным дисциплинам. Пришлось снова перебираться в Женеву. В Берне семья

Плехановых похоронила умершую от чахотки Т. В. Полляк, которой так многим была обязана.

По возвращению из Берна Плеханов с семьей поселился в небольшом городке Кларане, близ Женевы. Здесь Плеханов заканчивал две последние части большой статьи о Родбертусе, озаглавленной «Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягцова», которые потом были опубликованы в девятом и десятом номерах «Отечественных записок» за 1883 г. Статья как бы подводила итог его экономическим занятиям за время пребывания за границей и свидетельствовала о полном овладении им методом марксистского анализа экономических отношений капитализма. Чтобы оценить ее по достоинству, надо иметь в виду, что она писалась до выхода в свет второго и третьего томов «Капитала» и до публикации критических высказываний Маркса и Энгельса о Родбертусе, когда их взгляды на некоторые экономические законы капиталистического способа производства (например, земельную ренту) не были еще известны.

В статье о Родбертусе Плеханов с марксистских позиций подверг критике теорию стоимости и «трудовых денег» Родбертуса; стоял в основном на точке зрения марксова учения о капитале, хотя и несколько иначе, чем Маркс и Энгельс оценивал теорию «ренты» (прибавочной стоимости) и капитала Родбертуса; мелкобуржуазной по существу теории кризисов Родбертуса противопоставил марксову теорию кризисов капиталистического способа производства; в ряде вопросов, хотя и не во всех, правильно указал на ошибки в теории земельной ренты Родбертуса³.

Некоторые из содержащихся в статье о Родбертусе высказываний Плеханова «по существу представляли собой также критику теоретических основ народнических воззрений»⁴. Речь идет об отрицании народниками внутренних экономических причин разложения крестьянской поземельной общины.

По ходу работы над статьей Плеханов уточнял свое отношение к экономической теории Родбертуса, что нашло отражение в неодинаковой оценке взглядов Родбертуса, данной Плехановым в первой и последней, четвертой, части статьи. Если в первой части Плеханов причисляет Родбертуса «к той блестящей, хотя и немногочисленной фаланге экономистов, которая украшается именами Маркса, Энгельса и Лассаля», но добавляет, что «ставить его «выше Маркса и Энгельса», конечно, невозможно. Учение его не может быть поставлено даже рядом с учением этих последних», то четвертая часть

заканчивается более определенной оценкой: «Смешно ставить его учение не только выше учения Маркса и Энгельса, но и на одну доску с этим последним. Возвращения Родбертуса сложились в тот период истории экономической науки, когда старое здание классической экономии оказалось тесным, обветшалым и потребовало радикальной перестройки. Сочинения его были замечательнейшим «знамением» этого переходного времени, но не ему суждено было стать архитектором, заложившим фундамент новой науки» (т. 1, с. 218, 220, 364)⁵.

С возвращением Плеханова из Берна начинается заключительный этап переговоров бывших чернопередельцев с народолюбцами, длившийся до разрыва с ними и создания группы «Освобождение труда». Говоря об этом периоде, необходимо отметить, что переговоры бывших чернопередельцев о вхождении в «Народную волю» и выявившиеся при этом разногласия об условиях их участия в издательстве «Вестника Народной воли» не имели непосредственного отношения к формированию марксистских взглядов Плеханова и его товарищей. Поэтому факт ведения Плехановым переговоров с народолюбцами нельзя объяснять, как это иногда делается, тем, «что вплоть до 1883 г. он разделял взгляды народничества, да и позднее освободился от них не сразу, и даже не целиком»⁶.

Дело в том, что Плеханову и его товарищам необходимо было открыто выступить с социал-демократической программой. Вопрос заключался в том, как целесообразней это сделать: выступить отдельной группой или, войдя в самую крупную и популярную революционную организацию того времени, попытаться направить ее на путь научного социализма? Разумеется, что намного удобней представлялось именно второе. И не только потому, что «Народная воля» была реально действующей организацией, которую надо было поддержать (см. т. 13, с. 28), но и потому, что к социал-демократической программе и тактике массового революционного деятеля в России еще нужно было подготовить. Последнее значительно легче было осуществить, находясь в «Народной воле». Надо сказать, что народолюбцы по-своему понимали это. В. И. Иохельсон (Голдовский) в общем правильно определял задачи, стоявшие перед бывшими чернопередельцами, когда в марте 1882 г. писал: «...Присоединение их (чернопередельцев. — А. Б.) и, следовательно, признание ими программы — не совсем искреннее. У них знамени нет, и план таков, чтобы, войдя в состав «Народной воли» — со знаменем заслужен-

ным, почетным, составившим себе громкую известность, коренным образом изменить программу и образ действия»⁷.

Вскоре, однако, обстоятельства изменились. «Народная воля» подверглась крупному разгрому. В феврале 1882 г. в Москве был арестован ряд руководителей партии, среди них Я. Стефанович. Арест Стефановича заставил Дейча отказаться от намерения отправиться в Россию. Теперь в присоединении заграничных чернопередельцев к партии не в меньшей степени были заинтересованы сами народолюбцы. В мае чернопередельцы получили письмо от Л. Тихомирова с выражением удовлетворения по поводу их ответа на «Письмо Исполнительного комитета «Народной воли» заграничным товарищам»⁸, а затем в Швейцарию приехала М. Н. Ошанина, чтобы договориться о совместном издании печатного органа.

На переговорах с ней, состоявшихся в Кларане, Плеханов дал согласие на сотрудничество в журнале, несмотря на критические высказывания в адрес народолюбцев. Вместе с тем в беседах с ней Плеханов и его товарищи заявили о своем желании отдельно от «Народной воли» издавать переводные произведения по научному социализму, а также самостоятельные работы, на что Ошанина должна была согласиться⁹.

Переговоры продолжились после прибытия летом 1882 г. в Женеву Л. Тихомирова. С осени в число редакторов «Вестника Народной воли» намечаются Лавров, Тихомиров и Плеханов (Кравчинский, который первоначально намечался в редакцию, в конце 1882 г. от редакторства окончательно отказался). Лавров выступал за такой журнал, который был бы органом всей революционной партии в России и соединял все оттенки мнений в единое целое. Тихомиров хотел сделать журнал органом одной фракции, под которой он понимал только «Народную волю» и даже уже — ее Исполнительный комитет¹⁰. Плеханов же, давая согласие на участие в редакции журнала, хотел сделать его социал-демократическим органом или, во всяком случае, не терял надежды со временем повернуть его на этот путь. Отсюда видно, сколь различны были цели, преследовавшиеся при основании журнала его предполагавшимися редакторами.

По ходу переговоров все больше выявлялись разногласия прежде всего между группой Плеханова, с одной стороны, и Тихомировым и Ошаниной, — с другой. Так, 20 ноября 1882 г. Тихомиров писал Лаврову по поводу требования, сделанного сторонниками Плеханова на переговорах в Женеве: «Все без исключения, заявили, что народолюбчество не есть направ

ление, а потому журнал не может быть народовольческим»¹¹.

Определялись также разногласия между Плехановым и Лавровым, желавшим в ходе переговоров играть примирительную роль. Кроме того, как отмечал Б. Н. Козьмин, между ними в то время существовали и принципиальные разногласия, касавшиеся оценки экономического состояния России, а потому и предстоявшей в России революции. Лавров продолжал считать, что для России еще не отпал путь к социализму через крестьянскую общину. Другая же возможность достижения социализма — через развитие капитализма — оставалась для Лаврова и в 1883 г. только альтернативой, а не реальностью¹².

В условиях разгрома своей организации в России и нуждаясь в поддержке ее за границей, Тихомиров и Ошанина рассчитывали использовать литературную силу Плеханова в своих целях. Чтобы привлечь Плеханова в редакторы «Вестника Народной воли» Тихомиров готов был идти на значительные уступки в вопросах теории. По сообщению Плеханова, на одном из совещаний в присутствии С. Кравчинского им и Тихомировым был выработан «неписанный устав», который определял направление будущего издания (см. т. 13, с. 29). На совещании Тихомиров заявил, что «он против социал-демократии ровно ничего не имеет», но что русского читателя сначала надо подготовить к усвоению социал-демократических взглядов и только потом выставлять перед ним социал-демократическую программу. Тихомиров соглашался на превращение «Вестника» в будущем в социал-демократический журнал (см. там же, с. 31)¹³.

Трудно объяснить, чем руководствовался при этом Тихомиров. Плеханов считал, что на него «повлияли одновременно и его «дипломатия», и его равнодушие к теории, и его разочарование в народовольческой программе, и его желание привлечь нас к своей «партии» (там же). Можно добавить также, что покладистым Тихомирова, вероятно, делало желание не оттолкнуть от «Вестника Народной воли» Лаврова, который, судя по воспоминаниям Тихомирова, в начале 1883 г. соглашался принять участие в издании только вместе с группой Плеханова¹⁴.

На основании «неписанного устава», чтобы подготовить «русского революционного читателя к восприятию социал-демократических идей», как отмечает Плеханов, он написал для первого номера «Вестника Народной воли» заметку о книге профессора Н. Д. Аристова о А. П. Щапове. После это-

го Плеханов захотел высказаться по разделявшим его с народовольцами взглядам более определенно (см. там же) и написал статью под заглавием «Социализм и политическая борьба». Она предназначалась для того же номера журнала, что и заметка. В статье содержалась, по словам Плеханова, резкая критика народничества. Тихомиров, хотя и с неохотой, согласился на помещение в первом номере «Вестника Народной воли» и статьи, и рецензии (см. там же, с. 32)¹⁵.

В это время неожиданное событие придало отношениям группы Плеханова с народовольцами резкий и бескомпромиссный характер. Мы имеем в виду конфликт из-за письма Стефановича, оказавшегося у заграничных представителей «Народной воли» Ошаниной и Тихомирова. Дело в том, что народовольцы получили известие, что находившийся под следствием Стефанович выдает. Переписка, которую Стефанович вел с Дейчем из заключения, давала основание заподозрить его в нелояльном отношении к «Народной воле». Письмо было задержано народовольцами после процесса «17-ти», проходившего в Петербурге в конце марта — начале апреля 1883 г., при посредстве известного провокатора С. Дегаева¹⁶. После этого за границей стали распространяться слухи, компрометиовавшие и других чернопредельцев. В один из приездов в Женеву Ошанина, по словам Дейча, прямо заявила бывшим чернопредельцам, что «вследствие речи Дмитра (Стефановича. — А. Б.) на суде, в которой он «заявляет себя монархистом», — они, народовольцы, «опасаются, не хотим ли и мы поступить в «Народную волю» с заранее поставленной себе целью — свернуть ее на что-нибудь, «развернуть» ее...»¹⁷.

Как бы там ни было, но у заграничных чернопредельцев, не посвященных в обстоятельства поведения Стефановича во время следствия и суда, возникло подозрение, что переписка Стефановича и Дейча просматривается народовольцами. К тому же в это время за границей, в Париже и Женеве, свободно объявился сам Дегаев, о котором было известно, что он арестован в России, но якобы из-под ареста бежал. В мае он отправился за границу и находился там до конца лета 1883 г.¹⁸ И хотя, кроме Тихомирова и Ошаниной, которым он сознался в своем беспрецедентном провокаторстве, никто определенно не знал об этом, предположение в его причастности к конфликту закралось в сознание бывших чернопредельцев. Во всяком случае, разоблачение Дегаева убедило их в том, что к раскрытию народовольцами переписки Степа-

новича приложил руку департамент полиции (см. т. 13, с. 33)¹⁹. «Думайте об этом, что хотите, — писал Плеханов, — я же повторяю: человек предполагает, а тайная полиция располагает» (там же).

Впоследствии Тихомиров полагал, что компрометация Стефановича понадобилась Дегаеву для того, чтобы скрыть свою собственную роль в выдаче дел и людей. Не исключено, однако, что намерения сыскной полиции, т. е. собственно Судейкина, с которым был связан Дегаев, шли значительно дальше: нанести ущерб заграничной части «Народной воли» путем предотвращения соединения с ней других революционных групп и организаций.

Только в этой связи, на наш взгляд, может быть правильно понят вопрос о форме присоединения чернопередельцев к «Народной воле», вставший летом 1883 г. До лета того года он не поднимался, несмотря на то, что переговоры шли два года. Правда, со времени прибытия Стефановича в Россию речь шла о присоединении всей заграничной группы чернопередельцев, в том числе и тех, кто впоследствии по разным причинам не вошел в группу «Освобождение труда» (Я. В. Стефанович, А. А. Хотинский, Ю. М. Тищенко). О том же вел переговоры с Ошаниной и Тихомировым Плеханов: «С самого начала наших переговоров мы не представляли себе, что соединение может произойти иначе, как в виде слияния двух групп, сблизенных временем и ходом событий. В этом духе мы вели переговоры с Мариной Никаноровной (Ошаниной. — А. Б.) в Кларане, в этом духе говорил я с Василием Игнатьевичем (Тихомировым. — А. Б.)»²⁰. Но форма присоединения могла быть как личная, так и коллективная. Когда указывают, что присоединение целой группой было необходимо чернопередельцам для того, чтобы «вести внутри «Народной воли» борьбу с народовольческой теорией и практикой»²¹, то почему-то исключают полную возможность делать это и при вхождении в «Народную волю» поодиночке. Ведь от индивидуального вхождения не пострадали бы ни идейное единство чернопередельцев, ни их организационная спайка. Следовательно, нельзя объяснить требование чернопередельцев включить их в «Народную волю» только этим.

До истории с задержанием письма Стефановича вопрос о форме присоединения не был, по-видимому, существенным ни для чернопередельцев, ни для народовольцев. Так, Стефановича и А. П. Буланова приняли в «Народную волю» лично, Плеханова, Аксельрода, Засулич, Дейча и Игнатова собира-

лись принять «как группу». Приобрести принципиальный характер вопрос мог тогда, когда возникли препятствия для вступления некоторых лиц в «Народную волю».

Таким лицом прежде всего оказался Дейч как ближайший интимный друг Стефановича и адресат его писем. 8 июня 1883 г. Дейчу было предложено передать функции заведующего редакцией другому лицу²², вслед за тем «Засулич было заявлено, что она не может исполнять должность секретаря редакции, не будучи членом организации»²³.

Тогда по предложению Дейча Плеханов и его товарищи приблизительно 12 июня²⁴ подали заявление о вступлении в «Народную волю» всей группой и потребовали помещения его в первый номер «Вестника Народной воли». Тихомиров на это заявил, что по уставу партии они могут быть «приняты только поодиночке и по выбору (разрядка наша. — А. Б.), а не целой группой», тогда как раньше он находил возможным принять их «именно как группу» (т. 13, с. 33).

Дейч объяснял ответ Тихомирова нежеланием народовольцев принять его в партию²⁵. Возможно также, что они собирались отказать в приеме и Засулич. Чернопередельцам было предложено распустить группу и подать заявления о приеме каждому в отдельности. Не желая, по выражению Плеханова, «разбиться на атомы, чтобы быть ассимилированными»²⁶, они решительно этому воспротивились, продолжая настаивать на своем коллективном присоединении. Тихомирову пришлось во второй половине июня отправиться в Париж для переговоров с Ошаниной. После этого чернопередельцам было сообщено о решении запросить по этому вопросу мнение товарищей, находившихся в России. Одновременно по возвращении из Парижа Тихомиров предпринял еще одну попытку расколоть бывших чернопередельцев: Плеханову он предложил до получения ответа из России оставаться в числе редакторов «Вестника Народной воли», а Дейчу, который продолжал временно выполнять обязанности заведующего редакцией, сообщил, что его едет сменить другой человек²⁷.

Летом 1883 г. возникла обстановка, в которой принципиальные разногласия, разделявшие Плеханова и его товарищей и заграничных представителей «Народной воли», как бы отошли на второй план. На первый выступили вопросы приема их в организацию и требование передачи им задержанного письма Стефановича. Поэтому Дейч писал, что присоединение их к «Народной воле» «не осуществилось не столько вследствие принципиальных разногласий с народовольцами...

сколько вследствие практических, тактических соображений»²⁸.

Это не означает, разумеется, отрицания принципиальных разногласий. Они существовали еще до начала переговоров и тогда же, хотя и в примирительном тоне, но вполне ясно были выражены в коллективном ответе чернопередельцев. Сохранились фактически они весной и летом 1883 г. несмотря на уступчивые заверения Тихомирова. Однако до лета 1883 г. чернопередельцам все же казалось целесообразным вхождение в «Народную волю», поскольку они предполагали народоличество постепенно заменить марксизмом. Но острые практические недоразумения, крайняя подозрительность, личная неприязнь делали невозможной совместную работу. Кроме того, переговоры затягивались, время не ждало, а им необходимо было открыто выступить со своей политической программой. К тому времени Плеханов и его друзья окончательно убедились в том, «что никогда народоличество не сделаются сознательными социалистами, а останутся бланкистами, энергичными и предприимчивыми революционными заговорщиками...»²⁹.

В письме Дейча от 3 июля говорилось, что в конце июня — начале июля на совещаниях Плеханова, Дейча, Засулич и приехавшего в Женеву В. Н. Игнатова было принято решение выступить в качестве самостоятельной социал-демократической группы и на следующем совещании в Женеве, которое должно было состояться в августе с участием Аксельрода, приступить к выработке социал-демократической программы³⁰. В этом же письме Дейч сообщал, что Плеханов взялся написать брошюру программного характера и одновременно для «Вестника Народной воли» пишет статью «Социализм и политическая борьба» и библиографическую заметку о Щапове³¹.

1 августа статья «Социализм и политическая борьба» была окончена и отправлена Тихомирову в Морнэ, где он жил³². На следующий день Плеханов намеревался отправиться к Тихомирову и после обсуждения статьи тотчас же послать ее Лаврову в Париж³³.

Из воспоминаний Плеханова известно, что по ознакомлении со статьей, но до встречи с Дегаевым, Тихомиров соглашался поместить статью Плеханова в журнале (см. т. 13, с. 32). Следовательно, если факт встречи Плеханова и Тихомирова с Дегаевым, о котором сообщает Плеханов, имел место, то он должен был произойти вечером 2 августа. На

другой день, как отмечает Плеханов, отношение Тихомирова изменилось. Об этом дает представление письмо Тихомирова Лаврову от 3 августа 1883 г. Посылая ему статью Плеханова «Социализм и политическая борьба», он писал: «По моему мнению, статья недурна, и хотя я не нахожу, чтобы автор, как обещает, вывел политическую деятельность именно из «научного социализма», т. е. из марксовской теории, тем не менее статья интересна и полезна... была бы, если бы не историческая ее часть. Прав автор в своих оценках или нет, это дело спорное, но «Вестнику Нар. воли», да еще его 1 №, довольно странно помещать такие исторические оценки, которые гласят, что народоличество было «наиболее беспринципным направлением». Рекомендовать изменение программы, в смысле отказа от захвата власти партией, я бы тоже не решился, по крайней мере, в № 1»³⁴. «Между тем, — писал он далее. — Плеханов категорически заявляет, что никаких изменений в статье он делать не станет и не позволяет. Если же редакция сделает примечание, то Плеханов требует для себя права сделать примечание к примечанию редакции. При таких условиях я вообще против принятия статьи»³⁵.

3 августа Плеханов заявил Тихомирову, а позже сообщил Лаврову о своем отказе быть редактором народолического журнала³⁶. Тихомиров полагал, что все же имелось средство удержать Плеханова в редакции — принять Дейча в организацию, ибо суть конфликта в нем³⁷. Но на это не пошли ни Тихомиров, ни Ошанина. Они приложили все усилия, чтобы склонить Лаврова к участию в издании журнала без заграничных чернопередельцев.

Между тем предполагавшегося в августе общего совещания всех членов группы не произошло, и над программой пришлось работать одному Плеханову, который, как считается, в августе — сентябре ее окончил³⁸. Одновременно он работал над статьей «Социализм и политическая борьба», которую в значительно переработанном и дополненном виде решено было выпустить в качестве первой работы вновь образованной группы, и заметкой о книге Аристова о Щапове. 22 августа с согласия Тихомирова Плеханов отослал заметку Лаврову³⁹.

Конец августа — начало сентября 1883 г. отмечены дальнейшим обострением конфликта с Тихомировым и Ошаниной из-за задержанной переписки Стефановича. Плеханову и Дейчу пришлось даже ездить в Париж для объяснения с Ошаниной⁴⁰. Как писал Плеханов Лаврову, поездка отняла

у него «всякое уважение не к «партии», конечно, а к людям, ее здесь представляющим»⁴¹.

Дейч тем временем подыскивал типографию. 10 сентября 1883 г. он достиг договоренности со старым русским эмигрантом А. Д. Трусковым о покупке у него в рассрочку шрифта и наборного станка за 2000 франков. Деньги на это предоставил В. Н. Игнатов⁴².

Во второй половине сентября, в Женеве, в кафе на берегу речки Арвы собрались все члены группы: Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, Л. Г. Дейч и В. Н. Игнатов. Были здесь также Р. М. Плеханова и И. Н. Игнатов — брат В. Н. Игнатова⁴³. На совещании было принято решение назвать группу «Освобождение труда» и открыто заявить о своем существовании, опубликовав объявление об издании «Библиотеки современного социализма».

Объявление, датированное 25 сентября 1883 г., было написано Плехановым и вышло из печати 30 сентября⁴⁴ в виде брошюры малого формата в восемь страниц⁴⁵. Этим заканчивается оформление первой российской организации революционных марксистов.

И все же организационное самоопределение первых российских марксистов не означало в первый момент бесповоротного разрыва с народолюбцами. По крайней мере в конце сентября, когда было провозглашено образование группы, Плеханов и его товарищи не исключали, по-видимому, хотя бы нерегулярного литературного сотрудничества с издателями «Вестника Народной воли». В примечании к объявлению «Об издании «Библиотеки современного социализма» говорилось, в частности, что обе группы имеют «так много общего, что могут действовать в огромном большинстве случаев рядом, пополняя и поддерживая друг друга» (т. 2, с. 22).

В пользу этого говорили заметка Плеханова о книге профессора Аристово о А. П. Щапове⁴⁶, помещенная в первом номере «Вестника Народной воли», и большая статья П. Б. Аксельрода о социализме и мелкой буржуазии, печатавшаяся в двух первых номерах «Вестника Народной воли».

Однако после выхода в конце октября работы Плеханова «Социализм и политическая борьба», вызвавшей в народнической среде «против себя целую бурю» (т. 9, с. 24) и отодвинувшей недоразумения лета 1883 г. с первого на последний план, стало ясно, что принципиальные идейные разногласия не оставляют больше никакого места для сотрудничества.

* * *

Образование группы «Освобождение труда» открывало новые перспективы перед революционным движением России. Литературные произведения членов группы, отмечал В. И. Ленин, «стали впервые излагать систематически и со всеми практическими выводами идеи марксизма...»⁴⁷. В марксистских трудах Плеханова получали разрешение проблемы, в которых запутывалась социально-экономическая мысль народничества. Уже в первой работе Плеханова «Социализм и политическая борьба», которую Ленин называл «символом веры» русского социализма, было показано, «как именно и почему именно русское революционное движение должно привести к слиянию социализма и политической борьбы, к слиянию стихийного движения рабочих масс с революционным движением, к слиянию классовой борьбы и политической борьбы»⁴⁸.

Чтобы полнее оценить вклад Г. В. Плеханова в развитие русской социалистической мысли, надо учесть, что дискуссия о судьбе русской крестьянской общины, ведшаяся в прогрессивной печати в связи со стремлением экономистов-народников доказать реальность некапиталистического пути развития России, ко времени образования группы «Освобождение труда» далеко еще не окончилась. К. Маркс и Ф. Энгельс в своих работах 80-гг. допускали, как известно, два возможных пути прогресса России. Во-первых, дальнейшее движение в капиталистическом направлении и, во-вторых, переход при определенных условиях к социализму на основе крестьянской общины. Однако взгляды Маркса и Энгельса на проблему русской общины и возможность некапиталистического развития в 80-х гг. не были хорошо известны. Это давало основание народническим публицистам даже в 1888 г., когда в «Юридическом вестнике» было опубликовано письмо Маркса в редакцию «Отечественных записок», считать, что Маркс и Энгельс на их стороне. Неудивительно поэтому высказывания В. П. Воронцова, С. Н. Кривенко и др. в том духе, что Маркс пристыдил учеников, высмеял русских марксистов и т. п.⁴⁹

Для Плеханова проблема русской общины, как мы отметили выше, была бесповоротно решена весной 1881 г. Чтобы прийти к выводу об обреченности крестьянской общины в России, необходимо было помимо хорошего знания экономического состояния деревни и «ясного сознания» того, что теория и практика революционной деятельности в России нахо-

дятся в «резком противоречии» друг с другом (см. т. 24, с. 178), глубоко овладеть методом исследования Маркса и Энгельса.

Когда Плеханов и его товарищи начали критику народничества и народовольчества, могло казаться, что они открыли поход не только против русского утопического социализма, но одновременно выступили, по крайней мере, против некоторых взглядов Маркса и Энгельса, поддерживавших в 1880—1883 гг. «Народную волю». Известно, что сближение Маркса и Энгельса с народовольцами произошло на политической, а не на теоретической основе. Однако из каких бы соображений не исходили Маркс и Энгельс в начале 80-х, а Энгельс до начала 90-х гг., отказываясь от публичной критики ошибочных воззрений народовольцев⁵⁰, остается фактом, что Плеханов в полном соответствии с духом теории научного социализма раньше высказал те идеи относительно русской революции и тактики русских революционеров, которые потом, в начале 90-х гг., когда группой «Освобождение труда» уже была развернута систематическая и широкая критика народничества, были поддержаны Энгельсом, взгляды которого на будущее общины и возможность революции в России в окончательной форме и со всей ясностью были изложены в послесловии к его работе «О социальном вопросе в России» (1894 г.).

Интересно отметить совпадение взглядов Энгельса на русскую крестьянскую общину в послесловии 1894 г. с тем, что писал Плеханов в одном из писем Н. С. Русанову в начале 1883 г. В послесловии Энгельс писал: «Я не берусь судить, уцелела ли ныне эта община в такой мере, чтобы в нужный момент, как Маркс и я еще надеялись в 1882 г., она смогла, при сочетании с переворотом в Западной Европе, стать исходным пунктом коммунистического развития. Но одно не подлежит сомнению: для того чтобы от этой общины что-нибудь уцелело, необходимо прежде всего ниспровержение царского деспотизма, революция в России»⁵¹. В письме к Русанову, говоря о мерах, с помощью которых российские катедер-социалисты типа И. Иванюкова пытались отстаивать крестьянскую общину, Плеханов писал: «С точки зрения экономической — им придется отстаивать общину в ее настоящем виде, и при этом отстаивать ее законными средствами, которые должны вести к ее разрушению. К таким мерам относится, например, организация личного земельного кредита, который неизбежно должен поставить крестьянское землевладение на *денежную*, а следовательно, и на индивидуалистичес-

кую ногу. Если Вам угодно, я пришлю Вам книгу Орлова «Формы землевладения в Московской губ.», в которой он приводит примеры того, как крестьяне до 1861 г. *выкупавшие* землю у помещика, перешли к *частному* землевладению, и как «награжденные» своими барами даровой землей, они сохранили общину. Вообще едва ли можно сомневаться в том, что только революция может дать серьезный толчок развитию общины»⁵².

Вместе с тем можно полагать, что на известный компромисс с тактикой народовольцев и практической поддержкой их движения вплоть до согласия присоединиться к ним целой группой Плеханова и его товарищей, первого в большей степени, вторых в меньшей, так как они сами не прочь были это сделать, толкнула позиция Маркса и Энгельса в отношении «Народной воли».

Чтобы революционное движение связать с деятельностью рабочего класса, мало было с марксистских позиций рассмотреть экономическое развитие России. Применить экономическую теорию Маркса к особенностям развития страны по-своему пытались и экономисты, стоявшие на точке зрения Маркса. Например, Н. Ф. Даниельсон, начиная работать над своими «Очерками нашего пореформенного общественного хозяйства», сообщал Энгельсу, что «намерен дать для широкой публики изображение феномена нашей собственной жизни в свете его (Маркса. — А. Б.) теории, чтобы показать, куда мы идем»⁵³. Его «Очерки» можно причислить «к достижениям социально-экономической мысли народничества»⁵⁴, поскольку в них получили освещение особенности капиталистического развития России в 80-х — начале 90-х гг. и, в частности, вопрос об особенностях формирования ее внутреннего и внешнего рынка. Однако экономисты «школы Маркса» не сумели правильно решить проблему трансформации российского рынка в рынок капиталистический. Кроме того, они не могли даже представить иной схемы социально-политического развития страны, чем та, которая наблюдалась в Западной Европе: сначала развитие капитализма, затем формирование и организация тех слоев населения, которые должны быть носителями либерализма и конституционализма, потом их борьба за свободу и конституцию при поддержке трудящихся слоев населения и только потом организация и борьба пролетариата за социализм. Поэтому самостоятельное пролетарское движение в России представлялось им делом далекого будущего. Основываясь на выводах экономистов «школы Маркса»,

народнические социологи, как писал Плеханов, приходили к заключению, что «особенности нашего экономического развития не оставляют у нас места для политической самостоятельности рабочего класса» (т. 13, с. 31).

Заслуга группы «Освобождение труда» заключалась в том, что дело «далекого будущего» она превращала в современное дело русских социал-демократов. Плеханов не видел в 80-х гг. никакой возможности для России избежать капиталистической фазы развития, но зато он хорошо представлял, как сократить продолжительность этой фазы. То, что на Западе заняло десятилетия, должно было быть ускорено сознательными усилиями русских социал-демократов. Важнейшим средством развития, сплочения и организации пролетариата в России должна была стать политическая борьба, понимаемая в самом широком смысле слова. Она включала пропаганду, агитацию и борьбу за власть, но не группы людей, как бы мала или велика она ни была, а класса, с развитием которого связывался экономический и социальный прогресс общества. Там, где экономисты «школы Маркса» не видели никакой революционной деятельности, а народолюбцы сводили ее главным образом к открытой и непосредственной борьбе с правительством, Плеханов формулировал программу революционной социал-демократии.